ЧТО ЗАПОВЕДАЛ НАМ ЛЕНИН

СОСТАВИЛ
В. КАРПИНСКИЙ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1924

ЧТО ЗАПОВЕДАЛ НАМ

ЛЕНИН

СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, РАБОТОЙ и УЧЕНИЕМ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ, СОСТАВЛЕННОЕ ДЛЯ КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ

В. КАРПИНСКИМ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗБРАННЫХ МЕСТ ИЗ РЕЧЕЙ И СТАТЕЙ ЛЕНИНА

МОЛОДАЯ ГВАРДИ[Я]
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГР[АД]

Отпечатано в типографии
изд. «Молодая Гвардия»,
Ленинград, В. О., 5 лин.
28, в колич. 25.000 экз.
Ленинградский гублит
№ 1724.

ОТ АВТОРА

Нахожу нужным сказать, что работа написана наспех, в виду желания издателей как можно скорее дать молодому рабочему и крестьянину книжку о Ленине.

Биографические сведения о семье Владимира Ильича, о его детских и юношеских годах получены мной от сестры его, Анны Ильиничны Елизаровой. Эти сведения исправляют ряд неточностей в ранее напечатанных биографиях Ленина. Характеристика Владимира Ильича написана на основании личного с ним знакомства и работы с конца 1903 года. Считаю книжку лишь слабой попыткой описать вкратце жизнь и деятельность величайшего из вождей человечества.

К книге приложены: речь товарища Н. К. Крупской, речь товарища М. И. Ульяновой, медицинское сообщение о болезни и кончине Владимира Ильича, воззвание ЦК РКСМ, избранные места из речей и статей Ленина, главным образом, для крестьянского читателя.

У гроба вождя

Неустанно, день и ночь, под тихие, стоном пронизывающие звуки бьется море с обеих сторон...

А он, недвижимый, в средине...

Когда замолкают звуки, через неуловимое мгновение жуткой тишины, становится слышно, как неумолчно, мерно плещет оно — море скорби рабочей, с обеих сторон...

А он, недвижимый, в средине...

Кто?

Ильич!!!

Нет, нет!.. Не может быть!.. Это только так... это так...

Почему не захлеснет море все и всех? Почему эти пальмы стоят, не качаются, не падают? Почему ярко горят тысячи огней, не разлетаются вдребезги? Почему не рухнут громады сверкающих колонн?

А он, недвижимый, почему не встанет, не скажет властное слово?!

. . . .

Идут, идут, идут... Простые одежды, простые лица. Многие — черные от сажи, от копоти, лохматые гиганты, такие, какими они не раз являлись по его зову — прямо от станка, от вагранки...

Ничего не видят, ничего не слышат. Нет для них ни сверкающих огней, ни блестящих колоннад, нет окружающего. Взоры, все существо каждого устремлены к нему, недвижимому. Вопьются, впитывают краткие миги, последние миги, замирают...

Но нельзя останавливаться. Море идет...

. . . .

Женщины тихо плачут... плачут мужчины...

Вот, в пестром платке, боком бредет пожилая крестьянка, а слезы катятся, катятся по скорбному лицу.

Старая работница, вся укутанная от мороза, сложив руки на груди, медленно идет, горестно качая склоненной на-бок головой.

Часто рыдают, падают в обморок... Их быстро уносят. Там, на санитарном пункте, работы все прибавляется.

. . . .

А море идет, все идет... Вот молодежь. Девочка-подросток дошла, увидела—застыла, положив пальчик на губы... Родители подымают на руки малышей с их широко раскрытыми глазенками. Постарше идут самостоятельно, рядами — маленькие водинки в людском море...

. . . .

Простецки-печальны лица красноармейцев. Суровы рабочие лица. Вот один выделился из потока, весь подался вперед, застыл — только сцепленные назади руки судоржно сжимаются и разжимаются...

Вперед, друг, — море не ждет...

Бледный, замерший, стоит на карауле молодой рабочий— тот самый, который когда-то, по чьему-то решению, должен был сразить пулей сраженного теперь болезнью, да не поднялась рабочая рука... Был когда-то эсэром, заблуждался парень... Какие чувства, какие мысли кипят в нем сейчас?

. . . .

Неустанно, неумолчно, день и ночь, бьется-плещет рабочее море, с обеих сторон...

А он, недвижимый, в средине...

Кто?

Ильич!!!

Тебя не стало? Кто посмел сказать это?! Ты — с нами, ты — в каждом из нас, ты — наш, навсегда запечатленный в наших сердцах.

Всколыхнутое тобою море рабочее не уляжется, не затихнет, пока не сметет с лица всей земли власти капитала.

Москва. Дом Союзов. 25. 1. 1924 г.

ЛЕНИН

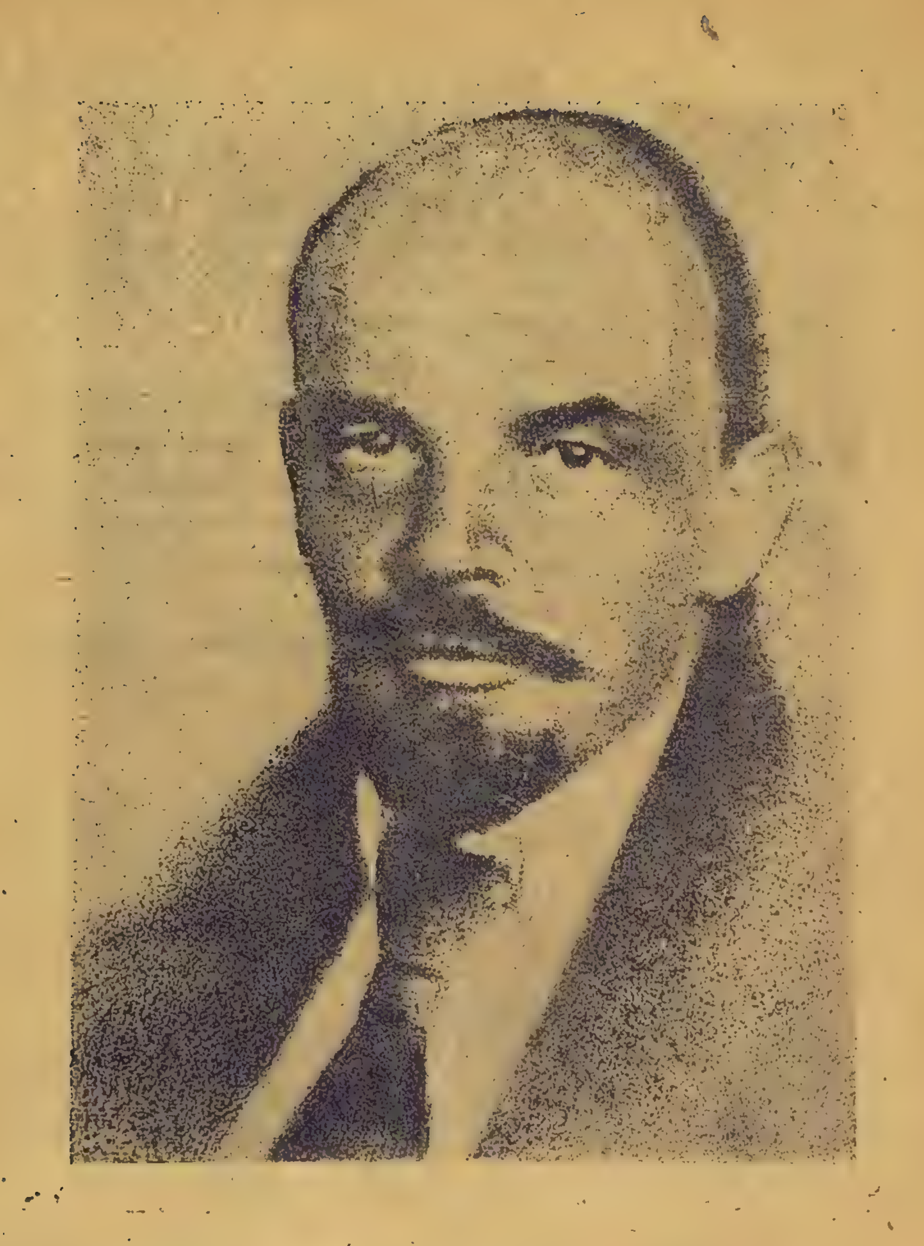
На одной крестьянской беспартийной конференции крестьяне, узнав о смерти Ленина, сказали:

— Умер отец наш. Но осталась наша мать—Советская власть. Остались дети—коммунисты. Мы говорим коммунистам: «Дети, следуйте по стопам родителя!»

На это коммунисты отвечают:

— Товарищи крестьяне! Будем вместе беречь, как зеницу ока, нашу общую мать—Советскую власть! Будем крепить наш рабоче-крестьянский союз!

Таков великий завет Ленина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕНИНА

1. Почему умер Ленин.

— Шапки долой!—так начинается одна книжка о мучениках-борцах парижского восстания рабочих, впервые в истории свергнувших владычество буржуазии и захвативших на время власть в свои руки.

— Шапки долой!—в этой книжке я буду говорить о в е л и ч а й ш е м в с в е т е в о ж д е в о с с т а в ш и х р а б о ч и х и к р е с т ь я н, который отдал жизнь за благо трудящихся и угнетенных всего мира, который установил Власть Труда на одной шестой части земного шара. Я буду говорить о Ленине.

Ленин погиб на славном посту первого и единственного всемирного вождя-руководителя борьбой-восстанием трудящихся и угнетенных всех стран. Погиб преждевременно, всего на 54-м году жизни. Почему? Потому что с ранних лет вся его жизнь, без малейшего остатка, была отдана делу освобождения трудящихся, потому что на нем одном всегда лежала вся неизмеримая тяжесть ответственности за борьбу, потому что на нем одном сосредоточивалась вся ненависть мировой буржуазии.

Теперь буржуазные правительства шлют свои соболезнования, буржуазные газеты пишут хвалебные статьи о Ленине. Но мы-то все хорошо знаем, помним и никогда не забудем, как совсем еще недавно злобствовала буржуазия всего мира, как она кляла и травила нашего вождя. Ленин не умер бы так рано, если бы буржуазия всех стран не набросилась с таким остервенением на созданную им Республику Советов, если бы Ленину не пришлось работать свёрх всяких сил, работать больше всех, упорнее всех для того, чтобы отразить нападение, побороть разруху, наладить после нападения мирную жизнь.

Ленин отдал свою жизнь за нас, за благо каждого из нас, за освобождение и счастье трудящихся всего мира.

2. Имя Ленина.

Имя Ленина известно во всем свете, не только в городах, но и в деревнях, не только в просвещенных странах, но и в самых отдаленных, полудиких землях. Его именем названы тысячи учреждений, его имя дают детям у нас и заграницей. Для трудящихся, для угнетенных его имя повсюду есть знамя борьбы, клич восстания, источник силы и уверенности, знак надежды... Для буржуазии, для угнетателей его имя ненавистно и страшно, как смертельная угроза всему буржуазному строю.

Но всего лишь несколько лет тому назад Ленин был неизвестен не только заграницей, но и у нас, в России. Его совсем не знали не только крестьяне, но даже и широкие массы рабочих. О Ленине впервые заговорили после его возвращения из заграницы в Россию в апреле 1917 года.

— Какой-то Ленин приехал через Германию *) и произносит зажигательные речи против войны, против правитель-

*) Тогда еще шла война с Германией.

ства. Не иначе, как германский шпион! — говорила буржуазия.

А рабочие и крестьяне-солдаты, которым хоть раз удавалось послушать Ленина, действительно загорались и хватались за винтовку:

— Вот этот—наш! Как говорит: точно побывал у нас в душе! За него мы готовы в огонь и в воду!

Что же говорил этот необыкновенный человек? Чему учил он? Что сделал? Чем привлек к себе безграничную любовь и восхищение трудящихся? Каким чудом в такое короткое время увлек за собою многомиллионные массы?

Ответ на это дает нам его жизнь и учение.

3. Семья, в которой родился Ленин.

Отец Ленина, Илья Николаевич Ульянов, был сыном астраханского мещанина. Кончил гимназию, на свои средства учился в Казанском университете. По окончании его сделался учителем гимназии, а потом инспектором и директором народных школ Симбирской губернии. Илья Николаевич был простым, честным, трудолюбивым человеком и в том же духе старался воспитать своих детей. К своему делу он относился с большой любовью. Работал без отдыха, беспрестанно раз'езжал по губернии, любил общаться с крестьянами, искренно старался помочь народу, как многие из интеллигенции того времени.

Мать Ленина, Мария Александровна, была дочерью врача Бланка, который получил образование также на собственные трудовые деньги. Мария Александровна отличалась большой твердостью характера. В самые тяжелые минуты она никогда не падала духом. Всю жизнь она посвятила воспитанию детей и, после тяжкой утраты старшего сына, всю материнскую любовь перенесла на Владимира. Владимир Ильич также очень любил свою мать и сохранил к ней это чувство вплоть до последних ее дней (она умерла в 1916 году).

У Владимира Ильича было два брата и три сестры. Старшие: Анна, Александр; младшие: Ольга, Дмитрий, Мария. Отношения в семье Ульяновых были дружные, хорошие. Дети имели полную возможность свободно развивать свои склонности. Старший брат, Александр Ильич, отличался большими научными способностями; из него, вероятно, вышел бы крупный ученый. Но в те времена страшного царского гнета он стал членом революционной партии «Народная Воля», которая стремилась свергнуть самодержавие путем убийства царя. В 1881 г. народовольцы казнили царя, Александра II. Но участники этого дела были схвачены и повешены. Партия народовольцев была разгромлена. Тогда Александр Ильич взял на себя задачу восстановить партию и довести дело до конца. Для этого он подобрал группу товарищей. Они собирались убить Александра III и приготовили бомбы в виде книг, чтобы обмануть полицию. Но в их среду пробрался провокатор: заговорщики были захвачены с бомбами. Царь приказал их повесить. Это было в марте 1887 года.

Такая смерть брата произвела огромное впечатление на Владимира Ильича, который учился тогда в последнем классе гимназии. Узнав о смерти, Владимир Ильич сказал:

— Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо итти.

И он стал задумываться над способами, какими можно добиться победы над самодержавием. Смерть брата должна была развить в нем ненависть к угнетателям и сочувствие к угнетенным. Она побудила его с особой любовью отнестись к беседам, которые с ним вел брат, и к книгам, которые от него остались. А среди них была книга «Капитал» и другие сочинения первого великого учителя рабочих К а р л а М а р к с а.

Одна из сестер Владимира Ильича, Ольга, умерла в молодости. Другой брат и обе сестры живы. Все они—коммунисты. Мария Ильинична была всегда ближайшим другом и сотрудником Владимира Ильича, а в последнее время—бес-

В. И. Ленин, когда ему было 3 года.

сменным секретарем редакции «Правды», главной газеты Коммунистической партии.

4. Детские и юношеские годы Ленина.

Вот в какой семье вырос Владимир Ильич. Родился он 10-го апреля старого стиля 1870 года *) в городе Симбирске, на Стрелецкой улице, в доме Прибыловского, во флигеле. О детских и юношеских годах Владимира Ильича, да и о личной его жизни в последующие годы мы знаем пока очень мало. Девяти лет он поступил в гимназию, семнадцати лет окончил ее. Учился отлично, всегда шел первым учеником. Но уже на школьной скамье интересовался общественными вопросами. Уже тогда живо волновали Владимира Ильича положение рабочих и крестьян, царский гнет, борьба с ним. Он собирал вокруг себя товарищей, ставил на обсуждение волновавшие его вопросы, умел передать свое убеждение другим.

В 1887 году осенью Владимир Ильич поступил в Казанский университет на юридический факультет. Но проучился в университете недолго. В том же году зимой его исключили за участие в революционном студенческом движении и выслали из Казани в село Кокушкино, Казанской губернии, Лаишевского уезда, где его дед по матери купил себе небольшое имение. В эту деревню Владимир Ильич и раньше приезжал почти каждый год в летнее время. Здесь он прожил до зимы 1888 года. Поступить в царский университет ему больше не разрешили. Тогда он сам принялся за изучение наук —всех, каких желал. С этого времени он начинает изучать сочинения Маркса на русском и, главным образом, на немецком языке. Скоро Маркс становится его любимым учителем.

---

*) День рождения Владимира Ильича, 10-го апреля старого стиля, приходится по новому стилю на 22-е апреля 1870 года, так как в то время разница между стилями составляла 12, а не 13 дней.

Зимой 1888 и весной 1889 года Владимир Ильич жил в Казани, где завязал связи с революционной молодежью того времени. Затем вся семья Ульяновых переезжает из Симбирска в Самару, где Владимир Ильич и живет до осени 1893 года, проводя лето на хуторе Алакаевка, в 50 верстах от Самары (этот хутор в то время приобрел его отец). С утра уходил он в укромный уголок сада, нагруженный книгами, словарями, тетрадями, и занимался целые дни. В 1891 году Владимир Ильич ездил в Петербург сдавать государственные экзамены на юриста-адвоката. Но адвокатской практикой он никогда не занимался. Он продолжал изучение общественных наук, вопросов социализма и рабочего движения. В Самаре, в тайных кружках молодежи, он читал в 1893 году свои первые доклады, которые потом вошли в его книгу «Что такое «друзья народа» и почему они воюют против социал-демократов?» (Об этой замечательной книге мы будем говорить ниже). Осенью того же 1893 года Владимир Ильич уезжает в Петербург.

Эти краткие сведения о детских и юношеских годах Владимира Ильича говорят нам, что он вышел из простого народа. Этому происхождению Владимир Ильич, вероятно, обязан своим крепким сложением, здоровьем и своей простотой. Но родные Владимира Ильича, добившись собственным трудом материального достатка, могли вырастить сына в хороших условиях. В юности Владимир Ильич имел полную возможность спокойно заняться изучением трудов великих учителей социализма и заложить прочную основу своим огромным научным познаниям, которые он отдал целиком на службу трудящимся.

5. Начало революционной работы.

С приезда Владимира Ильича в Петербург, в 1893 году начинается его революционная работа. Здесь он подбирает себе небольшую группу единомышленников и с ними вместе начинает тайно вести пропаганду среди рабочих. Большин-

ство из этих первых сотрудников Ленина уже умерло, но некоторые еще живы, среди них — Надежда Константиновна Крупская, председательница Главполитпросвета, тов. Кржижановский, председатель Госплана. Владимиру Ильичу удалось привлечь в кружки многих рабочих, из которых вышли потом вожди революции и руководители советов. Из этих рабочих кружков возник в Петербурге первый «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич пишет для кружков листовки, которые переписываются от руки печатными буквами и тайно распространяются среди рабочих. Первый написанный им листок был переписан всего в четырех экземплярах. Рабочий Бабушкин разбросал их на заводе Семянникова за Невской заставой. «Два из них подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам,— это считалось большим успехом тогда». Так пишет в своих воспоминаниях Надежда Константиновна.

Но полиция не дремала. В начале декабря 1895 года Владимир Ильич и многие его товарищи были арестованы. Сидя в тюрьме, Владимир Ильич продолжал писать листки для рабочих и тайно переправлял их на волю, а также работал над своей большой научной книгой «Развитие капитализма в России». Царское правительство продержало его в тюрьме 14 месяцев и потом сослало на три года в Восточную Сибирь, в Минусинский уезд, в село Шушинское (Шуша). В ссылке Владимир Ильич усердно занимался научной работой, окончил книгу о развитии капитализма, продолжал изучение вопросов социализма и рабочего движения, написал брошюру «Задачи русских соц.-демократов». До сих пор жива еще старуха-крестьянка Зарыкова, на квартире которой жил Владимир Ильич. Она с благоговением относится к нему, у нее в избе в почетном углу висит портрет Ленина, увешанный полотенцами. Она рассказывает, что Владимир Ильич в ссылке очень много работал, даже по ночам. Он ложился тогда, когда семья Зарыковых уже вставала на работу. Целыми ночами он просиживал за книгами. В ссылке же, в 1898 г., Владимир Ильич женился на Надежде Константиновне Крупской.

В феврале 1900 года окончился срок ссылки, и после краткой побывки у своей семьи в Подольске (Московской губернии), Владимир Ильич тотчас принимается за осуществление назревшего у него плана дальнейшей работы. Он подбирает лучших товарищей, одних для России, других для заграницы, и осенью 1900 года уезжает в Швейцарию.

6. Работа заграницей.

За-границей он сходится с группой «Освобождение Труда», состоявшей из старых революционеров, во главе с отцом русских социал-демократов Плехановым. Здесь Владимир Ильич создает центр, который с ним во главе начал успешно руководить всем революционным движением в России через посредство газеты «Искра» и путем постоянных тайных сношений с русскими подпольными организациями. Первый номер «Искры» вышел в Женеве в декабре 1900 г.

Осенью 1903 года в Женеве (в Швейцарии) состоялся с'езд российской социал-демократической рабочей партии. На этом с'езде произошел раскол на большинство и меньшинство, откуда пошли и названия: «большевики» и «меньшевики». Владимир Ильич стал во главе большевиков и явился, таким образом, основателем революционной большевистской партии. Тотчас же он принялся за издание заграницей своей большевистской газеты «Вперед», первый номер которой и вышел в конце 1903 г.

С первыми же известиями о революции 1905 года, Владимир Ильич возвращается в Россию, в Петербург, и приступает к непосредственному руководству революционным движением. Руксводителем передового отряда революции Владимир Ильич был уже и в то время. Но тогда революционное движение было еще слабое, скоро оно было подавлено. Ленину негде было развернуться. Однако, из Петербурга он уезжает лишь после окончательной победы царского правительства в 1907 году, сначала в Финляндию. Оттуда

2*

Владимир Ильич бежал заграницу, когда уже полиция окружала дом, где он жил.

Заграницей, в Женеве и в Париже, Владимир Ильич с неутомимой энергией, с несокрушимой верой снова принялся за трудную кропотливую работу собирания разгромленных революционных сил, за издание газет «Пролетарий» и «Социал-Демократ», которые тайно переправлялись в Россию, а также за научную работу. Все время заграницей Владимир Ильич вел самый скромный образ жизни, вернее сказать—бедствовал наравне с остальными эмигрантами. Целые дни он проводил в библиотеках за работой. Жил всегда в одной комнатке. В Цюрихе, например, он снимал комнату у сапожника в рабочем квартале на Шпигельгассэ (по-русски: «Зеркальный переулок»). Этот «Зеркальный переулок» настолько узок, что из противоположных домов можно подать друг другу руки. По грязной темной лестнице, со скрипящими ступенями и полусломанными перилами, поднимаешься во второй этаж и проникаешь в «квартиру» Ильича. Длинная, узкая, полутемная комната. Вдоль одной стены, гуськом, две кровати. У другой стены—большой стол для занятий, а между столом и кроватями едва остается место для стула. Тут же маленькая печурка для отопления и приготовления пищи: Надежда Константиновна сама готовила обед...

Империалистическая война застает Владимира Ильича уже в галицийской деревушке у самой русской границы. Здесь он поселился для того, чтобы легче было сноситься с большевистским центром в России и руководить движением. Тотчас после об'явления войны Владимир Ильич был арестован австрийской полицией, как русский «шпион». Две недели он сидел в «Козе» (тюрьме) в деревне Новый Тарг. Дело принимало скверный оборот. В лучшем случае австрийские власти должны были заключить его в концентрационный лагерь, как подданного враждебной державы. Тогда Владимир Ильич просидел бы в Австрии вплоть до окончания империалистической войны. К счастью для нас, в дело вмешался Виктор Адлер, старый

вождь австрийских социалистов, к которым австрийское правительство относилось тогда благосклонно за их поддержку в войне. Адлер уверил императорского министра, что Ленин—непримиримый враг Антанты *). Выпустить его не только безопасно, а даже очень полезно для Австрии и для Германии. Министр задумался.

— Так вы говорите, что Ленин—злейший враг Антанты?—переспросил он.

— Больше, чем вы сами, ваше превосходительство,—ответил Адлер.

Разумеется, Ленин был столь же непримиримым врагом центральных держав, как и врагом Антанты. Но такое заступничество спасло тогда нашего Ильича. Ему разрешили выехать в Швейцарию.

Здесь Владимир Ильич со всей присущей ему силой и решительностью обрушился в статьях и речах против империалистической войны и против ее сторонников из среды социалистов. Вскоре в Швейцарии он созывает один, а потом другой с'езд социалистов-интернационалистов, то-есть противников империалистической войны. Но его не удовлетворяет недостаточная отчетливость и решительность принятых резолюций, и он организует из товарищей разных стран отдельную группу последовательных, до конца революционных большевиков. К 1917 году первые большевистские организации были уже во всех главных странах.

После свержения самодержавия Владимир Ильич рвется в Россию. Но не может выехать из Швейцарии, так как с одной стороны—германский фронт, а с другой—не пропускает Антанта. Тогда он решает ехать через Германию и после больших хлопот через швейцарских социалистов получает разрешение на проезд от германского правительства. Почему же германское правительство разрешило вождю большевиков проехать через Германию? Оно рассуждало так:

---

*) **Антанта** — союз Франции, Англии, России, Италии, Америки и других стран, воевавших против **союза центральных держав** — Германии, Венгрии, Турции, Болгарии.

— Ленин—противник войны, приедет в Россию, будет добиваться мира, а нам это выгодно, это ослабит русский фронт.

А Ленин рассуждал иначе:

— Все буржуазные правительства — одного поля ягода, все они нам ненавистны. Раз одни не дают разрешения на проезд, я беру его у другого. Мне во что бы то ни стало надо быть там, в России, чтобы поднять гражданскую войну против всех грабительских правительств.

— Какой позор! Вас используют германские империалисты в своих целях!—кричали в негодовании все социалисты из лагеря Антанты, в том числе и русские меньшевики.

— Мы еще посмотрим, кто кого использует!—отвечал Ленин, и через несколько дней, 3-го апреля старого стиля, уже был в России, уже стоял во главе движения, которое снесло временное правительство Керенского и способствовало крушению империалистического правительства Германии.

По приезде в Россию и до октября Владимир Ильич развивает бешеную работу в одном направлении—в сторону свержения власти буржуазии. После временного июльского поражения большевиков в июле 1917 года, он ведет подпольную работу, скрывается в рабочих кварталах, живет в шалаше за городом. Затем, по настоянию товарищей, переезжает в Финляндию, чтобы руководить оттуда. В сентябре он уже настаивает на необходимости поднять восстание для захвата власти и вслед затем тайно приезжает в Петербург, чтобы лично агитировать за восстание. И он добивается своего.

7. Работа после октября.

Деятельность Владимира Ильича после октябрьской революции у всех на виду. Бессменно стоит он на посту председателя Совета Народных Комиссаров и председателя Центрального Комитета Коммунистической партии. До последнего времени нет ни одного декрета, ни одного

важного решения Советской власти и коммунистической партии, которые не были бы приняты по почину или с одобрения Владимира Ильича.

Эта неустанная, твердая, руководящая всей страной работа Владимира Ильича не давала покоя нашим врагам. Они прекрасно понимали, что значение его для революции неизмеримо, что он никем незаменим. Поэтому они решили убить его.

Было два покушения на Владимира Ильича. В первый раз в него стреляли 1-го января 1918 года в Петрограде, когда он возвращался на автомобиле с митинга в Михайловском манеже. Владимир Ильич остался невредим. Пули пробили кузов автомобиля. Ехавший с ним товарищ был ранен в руку. Преступники не были открыты. Но, несомненно, дело тут не обошлось без партии эс-эров. Второе покушение произошло 30-го августа 1918 года в Москве, когда Владимир Ильич выходил с митинга на заводе, бывшем Михельсона.

Владимир Ильич был тяжело ранен двумя пулями, отравленными ядом. Тем не менее он имел мужество сам подняться по лестнице в третий этаж. Ранение было чрезвычайно серьезное. Несколько дней Владимир Ильич пробыл между жизнью и смертью. Всем еще памятно, какую страшную тревогу пережила тогда Советская Республика. К счастью, Владимир Ильич поборол тогда смертельную опасность.

Болезнь Владимира Ильича началась в конце 1921 года, а может быть и раньше. Но надо знать Ильича, никогда не щадившего своих сил: он не обращал никакого внимания на свою болезнь, пока товарищи не о б я з а л и его взять отпуск и лечиться. Однако было уже поздно. На короткий срок, в конце 1922 года, Владимир Ильич вернулся к работе, произнес свои последние речи на 4-й сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (31-го октября), на 4-м с'езде Коммунистического Интернационала (13-го ноября) и на пленуме Московского Совета (19-го ноября), а за-

тем слег надолго. В последнее время здоровье его шло на улучшение, как вдруг, 21-го января, случился страшный приступ, и в 6 часов 50 минут вечера Ильича не стало...

По заключению врачей, Владимир Ильич умер от склероза сосудов мозга. Болезнь эта вызвана была чрезмерной мозговой деятельностью. Мозг его сгорел от чрезмерной работы.

Дорогой наш вождь, любимый Ильич погиб на работе для нас в полном и буквальном смысле слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КАКОЙ БЫЛ ЛЕНИН? КЕМ ОН БЫЛ ДЛЯ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН?

Рассказать про общественную и государственную деятельность Ленина невозможно в маленькой книжке. Об этом нужно написать целые книги, об этом будут написаны тысячи книг. Ленин был гениальный человек, какие родятся раз в столетия. Здесь я могу лишь в самых общих чертах описать, какой был Ленин, кем он был для нас, что сделал и чему учил.

Личные качества Владимира Ильича.

Всех, кому хоть разок довелось побеседовать с Лениным, всех поражала его обязательная простота и редкая скромность. Приезжал ли работник с докладом, вваливался ли простой рабочий или крестьянин в зипуне и лаптях, являлся ли из заграницы прожженный буржуазный деятель,—всех Ленин очаровывал своей простотой и скромностью. И это не стоило ему ни малейших усилий, это было у него таким же природным свойством, как свойство солнца поворачивать к себе головки цветов. С каждым собеседником он умел находить особый язык. Скажет несколько слов — и взял целиком человека, навсегда полонил его сердце. Помню один случайный его разговор на

с'езде с делегатом. Украинский седой «дід», усищи до плеч. Хлопает его Ильич по плечу и, улыбаясь, спрашивает:

— Вам, товарищ, сколько лет?

— 50.

— А мне 51 стукнуло!

Готово! Всемирный вождь и простой «дід» — на одной доске, у них есть что-то общее, свое, что сближает, роднит их...

Быть может, в этой простоте и какой-то особой, исключительной человечности больше всего привлекала, очаровывала легкая, веселая насмешка, которая постоянно сидела в том или другом Ильичевом глазу и каждую минуту готова была оттуда выпрыгнуть. Благожелательная, не обижающая насмешка-шутка—такая, что сам собеседник улыбается, смеется, готов смеяться над самим собой: «ах, какой же я, право!» А когда выйдет от Ильича, долго, улыбаясь, думает над его словами...

О необыкновенной скромности Ленина свидетельствует такой случай. Будучи уже в отпуске по болезни, 23-го марта 1922 года, Владимир Ильич пишет статью для крестьянской газеты «Беднота», а на клочке бумажки, говоря о своей болезни, прибавляет: «Поэтому написать что-либо путное (это слово подчеркнуто дважды) к четырехлетнему юбилею «Бедноты» не могу. Если подойдет прилагаемое, поместите; если не подойдет, бросьте в корзину, это будет лучше». Бросить в корзину превосходную статью Ленина! Конечно, этого не сделали. Разумеется, статья была напечатана («Беднота» от 26-го марта 1922 года).

Ильич обладал поразительной чуткостью и проницательностью в отношениях к людям. Как никто, умел он подбирать себе сработников и каждому подыскать его полочку. И каждый чувствовал себя не просто исполнителем приказа, а товарищем Ильича по работе; к нему в любую минуту можно пойти запросто за советом, как к лучшему другу. В старое время Ильич посылал из заграницы сотни товарищей с тайными революционными поручениями,

за которые грозила каторга или виселица. Товарищи уезжали после длительной задушевной беседы с Ильичем, уезжали обласканные, как родные.

Такую же чуткость проявлял всегда Ильич к нуждам и запросам рабочих и крестьянских масс. Поразительное дело! Ленин все время революции сидел в центре, в правительстве, сравнительно редко выступал на рабочих митингах, почти никогда не бывал в рабочей гуще, в деревне был за все время только один раз (на открытии сельской электростанции), а рабочего и крестьянина Ильич знал как никто! Ленин был властителем дум, властителем чувств рабочих и крестьян! Точно каким-то чудом умел он побывать в душе каждого рабочего и крестьянина! Точно какими-то невидимыми проводами был он связан с рабочим классом и трудовым крестьянством, и по этим проводам, денно и нощно, текли к нему одному радости и горести, муки и страдания, стремления и надежды всех трудящихся! А он слушал, вбирал в себя эти токи и потом произносил свои речи, от которых трепетали сердца рабочих и крестьян, принимал свои решения, издавал декреты, от которых трепетала буржуазия...

Откуда у Владимира Ильича такие свойства? Ответ на это дает товарищ Надежда Константиновна Крупская. В своей речи к делегатам 11-го Всероссийского с'езда о Ленине она говорит: «Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Но я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения.

В этих простых словах, сказанных над гробом Ленина его ближайшим другом, спутницей его жизни, — глубокая правда. Коммунисты—суровые люди, таких слов они обычно не говорят, но они делают величайшее дело

любви—отдают жизнь ради освобождения трудящихся. Лучшим из таких коммунистов был Ленин. «Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным»...

Но перечисленные качества не составляют еще всего Ленина. Он обладал величайшим, крайне острым, всеохватывающим умом. Вся мудрость великих учителей человечества, весь опыт великих борцов за счастье людское, все уроки великих революционных движений всех времен и всех народов как бы сосредоточились, в сжатом переработанном виде, под светлым куполом его огромного чела! И вместе с тем, в разговоре с людьми, этот великан мысли никого не подавлял своим умом, никому не давал даже почувствовать своего умственного превосходства! Самое сложное явление он мог своим умом разобрать, разложить на составные части, как рабочий разбирает на винтики, колесики, рычаги самую сложную машину. И тогда самое сложное, запутанное становилось простым и ясным каждому. И каждый удивлялся: «как это просто, как этого я не понимал раньше!» В то же время Ленин умел в своем необ'ятном уме собирать отдельные частицы жизни, отдельные случаи, факты, складывать из них выводы, делать обобщения и в нужный момент, каким-то одному ему ведомым способом, находить, угадывать правильное решение для самого трудного вопроса: «Смотрите, вот—выход из положения, вот что нужно делать!» И все только удивлялись простоте решения, каждый понимал ясный, простой Ильичев лозунг и с жаром бросался проводить его в жизнь. И не раз, не два простые мудрые лозунги великого пролетарского вождя спасали Республику Советов.

К такому уму присоединялась у Ленина сверх-человеческая, ничем несокрушимая сила воли. Словно он один вобрал, впитал в себя всю волю, все возмущение, ненависть, гнев сотен миллионов трудящихся, сжал эту

страшную силу в своей груди, нес ее в себе всю жизнь, нередко один против всех, отступал с нею, снова устремлялся вперед, все к той же цели, пока не развернул эту силу во всю мощь, от которой затрясся старый мир... Такая сила воли, в соединении с остальными качествами, и делала из Ленина непримиримейшего врага буржуазии и ее союзников, величайшего вождя революционного пролетариата, всех трудящихся, всех угнетенных в их повседневной борьбе, в их восстаниях, в их гражданской войне против угнетателей.

Ленина отличала страстная, непоколебимая вера в массы. С первых дней революции он бросил в массы удивительный лозунг: «Объединяйтесь, сплачивайтесь, организуйтесь сами, никому не доверяя, полагаясь на свой ум, на свой опыт!» Таким языком с массами в то время никто не говорил. Наоборот, тогдашние вожди революции, эс-эры и меньшевики, требовали от масс доверия к себе, а сами трепетали перед их революционным народом. А Ленин бросил страстный призыв: «развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов!» Горе-вожди дрожали от страха, что восставший народ учинит всеобщий разгром и беспорядк. А. Ленин с спокойной уверенностью отвечал: «Власть Советам—единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным». Крестьянские вожди, эс-эры, суетились вокруг буржуазии, старались наладить союз с нею. А Ленин горячо призывал крестьянство: «Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне! Рвите союз с капиталистами!» Ленин кидал в массы пламенные слова: «Только диктатура пролетариата и беднейших крестьян может сломить сопротивление капиталистов!»

В самые трудные минуты революции Ленин всегда обращался с прямым открытым призывом к массам. Вот один пример. В Питере восстание победило. Но на фронте главнокомандующий генерал Духонин отказался подчиняться

Совету Народных Комиссаров. Командный состав 12-тимиллионной армии был против Советской власти. Ленин, не задумываясь, смещает приказом по радио генерала Духонина и призывает солдатские массы окружить генералов, прекратить военные действия, взять дело мира в собственные руки.

Так мог поступать только вождь, безгранично верящий в массы. Эта вера, это доверие к творческим силам трудящихся вытекала у Ленина из научной теории, правильной оценки событий и глубочайшего знания народных масс.

Наконец, Ленин был превосходным организатором. Самого Владимира Ильича в его работе всегда отличала большая деловитость, организованность, планомерность: Того же требовал он и от других. Уже одни его лозунги, простые и ясные, вносили порядок, организованность в работу передовых отрядов трудящихся, указывали, учили, как и что делать. Но этим он не ограничивался. Никто лучше его не умел подбирать работников и ставить их на надлежащее место. Никто лучше его не умел составлять резолюций и деловых планов работы, будь то партийная работа, подготовка восстания или мирное хозяйственное строительство. Сразу подмечал он всякую расплывчатость, пустословие, неточность, неделовитость. Ленину принадлежат все важнейшие организационные планы с первых дней существования партии и Советской власти. Ленин всегда был тем организационным стержнем, на котором держалась партия и Советская власть.

Ленин был величайшим, лучшим другом рабочих и крестьян, всех трудящихся и угнетенных. Не тем «другом народа», какими об'являли себя когда-то многие интеллигенты из сострадания, жалости, слезливой любви к «меньшему брату». Над такими «друзьями народа» Ленин зло смеялся. Нет, он был другом, который открывал глаза трудящимся, раз-

облачал ложь угнетателей, подымал рабочих и крестьян на борьбу, вливал в них веру в самих себя, в свои силы, указывал пути и способы борьбы, делал из придавленного раба—человека, борца, сплачивал массы и вел их в бой.

Ленин был самым непримиримым врагом буржуазии, капиталистов, помещиков и всех их сторонников. Опять-таки: не тем «ярым революционером» был Ленин, каким об'являли себя многие, очень многие, а в решительную минуту перебегали в лагерь буржуазии. Таких «горе-революционеров» умел разоблачать Ленин со всей беспощадностью. Он умел заметить в самом зародыше малейшую измену делу революционной борьбы с буржуазией и немедленно поднять тревогу. Он безжалостно порывал отношения даже с самыми лучшими друзьями из числа общепризнанных вождей рабочего класса, если только замечал в них малейшую склонность к сколько-нибудь примирительному отношению к буржуазии. Он мужественно шел один против социалистов всего мира и даже против огромного большинства рабочего класса, когда увидел, что социалисты стали изменниками делу рабочей революции, а рабочие головы временно затуманены патриотическим угаром. Он никогда не терялся, никогда не падал духом. Он всегда, во всех положениях, при самых трудных обстоятельствах умел найти такие способы и пути борьбы, которые всего лучше, всего скорее вели и привели к свержению власти буржуазии.

Он, как гранитная глыба, вросшая во многомиллионную рабоче-крестьянскую массу, незыблемо стоял все эти годы во главе Республики Советов, он — наш мозг, наше сердце, наша надежда, незабвенный, любимый вождь восставшего и восстающего мира трудящихся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕМУ УЧИЛ, ЧТО СДЕЛАЛ ЛЕНИН?

1. Чему научился Ленин у Маркса.

Ленин был учеником другого великого человека, учителя и вождя рабочих, Карла Маркса (родился в Германии 5-го мая 1818 года, умер 14-го марта 1883 года).

В своих научных сочинениях Маркс изучал народное хозяйство. Он показал, что в народном хозяйстве постепенно происходят глубокие изменения, по мере того, как совершенствуются способы и приемы, орудия и машины труда. Эти изменения ведут к тому, что миллионы мелких производителей-собственников, ремесленников и крестьян теряют свою собственность, становятся пролетариями, должны итти в наемные рабочие. А небольшое число собственников расширяет свое производство, нанимает себе сотни и тысячи рабочих, наживает капиталы за счет труда разорившихся. Таким образом, в передовых капиталистических странах, наибольшая часть самых важных средств производства (заводы, фабрики, орудия, машины, земли, капиталы) оказывается во владении небольшой кучки крупных собственников. А наибольшая часть трудящихся оказывается наемными рабами у этих крупных владельцев. Первые не трудятся, но забирают себе все продукты труда. Вторые работают, как на каторге, но получают за труд лишь голодную плату.

В конце концов капиталисты не знают, куда девать огромные количества товаров, сработанных на их фабриках-заводах. Они начинают искать иностранных рынков для сбыта. Они посылают войска для завоевания иноземных рынков. Тут капиталисты разных стран сталкиваются друг с другом, и правительства их начинают кровопролитные войны между собою. Рабочих и крестьян заставляют итти в армии, сражаться за интересы капиталистов и помещиков.

Рабочий класс не может мириться с таким положением. Тысячи и сотни тысяч рабочих работают и живут в одном месте. Сама собою возникает у рабочих *общность интересов, противоположность интересов их всех интересам капиталистов*. Само собой возникает содружество пролетариев и общая борьба их против буржуазии,—сначала против отдельного капиталиста-хозяина, а потом и против всего класса капиталистов. Рабочие хотят очень простого и вполне возможного изменения: пусть рабочие, трудящиеся работают на тех же фабриках, на тех же полях, но пусть крупные собственники не смеют распоряжаться плодами чужого труда! А для этого надо *лишить крупных владельцев права собственности на средства производства и устроить справедливое распределение продуктов между трудящимися*.

Но тут рабочие натыкаются на бешеное сопротивление капиталистов и всей их государственной власти—полиции, жандармов, судов, армии. Рабочие убеждаются, что для осуществления их требований *надо сначала свергнуть вооруженной силой государственную власть капиталистов, взять власть в свои руки и установить свои законы*. А для того, чтобы подготовиться к этому, *рабочему классу необходима своя самостоятельная революционная партия*, которая состояла бы из передовых рабочих, просвещала бы рабочие массы, сплачивала,

организовывала их, руководила их борьбой и восстанием против власти капиталистов.

А так как власть капиталистов существует во всем мире, то и союз рабочих должен быть всемирным. Всем известный лозунг Маркса и гласит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

2. Как Ленин разоблачал мнимых «друзей народа».

Вот чему учил Карл Маркс. Ленин применил это учение к русским условиям. Просто сказать это, но не так-то просто было выполнить! Учение Маркса в те годы было совершенно неизвестно в России. На русский язык переведена была всего одна книга. Сочинения Маркса на немецком языке очень трудно было достать. Владимир Ильич принялся за основательное изучение сочинений Маркса, Энгельса и других социалистических писателей. Затем он изучил русское народное хозяйство, написал об этом большую книгу «Развитие капитализма в России». Наконец он изучил сочинения русских ученых о народном хозяйстве и написал против них книгу под заглавием: «Что такое «друзья народа» и почему они воюют против социал-демократов?» (Это была запрещенная книга и печаталась тогда только в тайных подпольных типографиях).

«Друзья народа» или «народники»—это были интеллигенты, сочувствовавшие народу. В то время в России было еще очень мало фабрик и заводов, мало рабочих. Рабочие только еще начинали свою борьбу. «Народники» и думали, что Россия пойдет иным путем, чем заграничные капиталистические страны. В России, дескать, есть свой особый «народный строй хозяйства»—мелкая кустарная промышленность и крестьянская община. Ремесленник-кустарь есть «независимый хозяин», и крестьянин-земледелец—тоже «независимый хозяин». Они и будут вести свой особый народный строй хозяйства, они не пойдут в наемные рабы к капиталу, как в заграничных странах. А крестьянская община

с уравнительным землепользованием это есть зародыш, из которого разовьется настоящий социализм.

Вот против этого учения об особом русском пути и о каком-то «народном» или «крестьянском социализме» и выступил Ленин в своих книгах. С цифрами в руках он неопровержимо доказал, что в России в то время уже был капитализм, что Россия тогда уже вступила на тот самый путь, каким давно шли заграничные капиталистические страны. Дальше он показал, что красивые речи о «народном строе хозяйства», о «народном» или «крестьянском социализме» — чистое заблуждение и обман. Он показал, что будто бы «независимый хозяин» ремесленник-кустарь на самом деле находится в худшей зависимости от мелкого капиталиста, скупщика, чем наемный фабричный рабочий. «Ни один наемный рабочий, — писал Ленин, — никогда не согласился бы переменить свое положение на положение русского «самостоятельного» кустаря в «настоящей», «народной промышленности». С цифрами в руках Ленин показал уже тогда, что крестьянство распадается на три разные группы: на кулаков, середняков и бедняков, что уравнительное распределение земли в общине нисколько не мешает кулакам выжимать соки из бедноты. Тридцать лет тому назад Ленин учил тому же, что и в последние годы. Он писал тогда: «Борьба имущих с неимущими идет в России везде, не только на фабриках и заводах, а и в самой глухой деревушке, и везде эта борьба есть борьба буржуазии и пролетариата». Действительный строй хозяйства в деревенской России представляет собою сеть мелких разрозненных рынков - базаров, и через эти рынки растет капитализм. «В каждом таком районе, — писал Ленин, — мы видим разложение некогда равных, патриархальных (стародедовских) непосредственных производителей на богатеев и бедноту, мы видим возникновение капитала, особенно торгового, который плетет свои сети над трудящимся, высасы-

3*

вая из него все соки». Ленин пальцем указывал «народникам» на этих «торгашей», «живоглотов», кулаков. Он писал: «Эта масса деревенских эксплоататоров представляет страшную силу, страшную особенно тем, что они давят на трудящегося враздробь, по одиночке, что они приковывают его к себе и отнимают всякую надежду на избавление, — страшную тем, что эта эксплоатация... представляет из себя не один грабеж труда, а еще и азиатское надругательство над личностью, которое постоянно встречается в деревне».

А мнимые «друзья народа» не видели, не понимали этого и только сетовали о «неправильном пути» России!

В замечательных словах Ленин так описывал тогдашнее положение крестьянина-бедняка: «...Капитализм заставляет давно уже до-чиста обобранного и голодного крестьянина бросать землю и общество для уравнительного распределения между торжествующими кулаками, уходить на сторону, бродить по всей России, проводя массу времени без работы, наниматься сегодня к помещику, завтра—к подрядчику по постройке железной дороги, потом—в чернорабочие в городе или в батраки к богатому крестьянину и так далее... Этот «крестьянин», меняя хозяев по всей России, видит, что везде, куда бы он ни пришел, он подвергается самому бесстыдному грабежу; видит, что рядом с ним грабят таких же, как он, голяков; видит, что грабит не непременно «барин», а и «свой брат мужик», раз только есть у него деньги на покупку рабочей силы; видит, как правительство повсюду служит его хозяевам, стесняя права рабочих и подавляя под видом бунта всякую попытку защитить свои элементарнейшие (самые простые) права; видит, как все напряженнее и напряженнее становится труд русского рабочего, все быстрее растет богатство и роскошь»...

А мнимые «друзья народа», «яснолобые либералы» не видели этого, не хотели видеть и понять!

Вот как писал про крестьянина Ленин, прозорливейший учитель, настоящий друг и вождь трудового крестьянства, еще тридцать лет тому назад! Величайшая, навеки незабвенная заслуга Ленина перед крестьянством состоит именно в том, что он смелой рукой сорвал всякие красивые слова и цветочки, которыми мнимые «народолюбцы» прикрывали цепи рабства, сети страшной эксплоатации крестьянской бедноты. Он открыл истинную, жестокую действительность, он открыл глаза на нее истинным борцам за народ.

Позднее, с 1902 года, Ленин решительно выступил еще против одного сорта «друзей народа», против так называемых «социалистов-революционеров» (сокращенно «эсэров»). Это были такие же интеллигенты-«народники», только революционные. Они тоже верили в особый «народный социализм», считали, что крестьянская община есть зародыш социализма, обещали дать крестьянам какую-то «социализацию земли», но кроме того проповедывали революционную борьбу против самодержавия. Они даже с бомбами и револьверами в руках убивали царских министров и губернаторов. Эс-эры хотели создать единую революционно-социалистическую партию из трех частей: из передовой образованной части буржуазии (интеллигенции), из всего крестьянства и из рабочих. В особенности же эс-эры любили называть свою партию «настоящей крестьянской партией». Таким образом, с виду эс-эры были самыми ярыми революционерами и самыми горячими сторонниками общей, дружной защиты интересов трудящихся. Это очень соблазняло всех недовольных, в особенности крестьян.

Но Ленин сразу сумел разглядеть истинную сущность этой громкой партии. Ленин говорил так. Из буржуазной интеллигенции, из деревенской буржуазии (кулаков), из трудящегося крестьянства и из рабочих можно еще, пожалуй,

составить одну партию для борьбы против царского самодержавия, потому что оно давит все эти части населения. Но нельзя из этих частей составить единую социалистическую партию, потому что остальные интересы у них разные и даже противоположные. В своей статье «Почему социал-демократия (тогдашние большевики) должны об'явить решительную войну социалистам-революционерам?» Ленин предсказал, что в момент политического переворота и на другой день после этого переворота партия эс-эров непременно изменит трудящимся и станет защищать интересы одной только буржуазии. Ленин предсказал также, что из террористической борьбы (убийств царских чиновников) тоже ничего не выйдет, кроме отвлечения сил от полезной работы в массах.

Все эти предсказания сбылись полностью на другой же день после свержения самодержавия. Всем известно, что партия эс-эров перекинулась на сторону буржуазного правительства, а затем повела вооруженную борьбу против рабоче-крестьянской власти вместе с белогвардейцами и даже принялась за убийства рабоче-крестьянских вождей. На самого Ленина эта партия сделала покушение. Великая заслуга Ленина в том, что он с самого начала разоблачил эс-эров и предостерег против них истинных борцов за дело трудящихся.

Своим научным разбором Ленин не оставил камня на камне во взглядах «народников». Но возникал важный практический вопрос: как же быть, что делать? Ленин и на это дал точный ответ. В той же книжке о «друзьях народа» он привел следующие прекрасные слова своего учителя Маркса: «Критика (научный разбор) сорвала с цепей украшавшие их воображаемые цветы не для того, чтобы чело-

вечество продолжало нести эти оковы в их форме, лишенной всякой фантазии (вымысла) и всякой радости, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком».

Сбросить цепи! Протянуть руку за живым цветком! Свергнуть гнет самодержавия! Отобрать у помещиков землю! Тридцать лет тому назад бросил Ленин эти лозунги. В той же книге он писал: «Социал-демократы (тогдашние большевики) будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения», то-есть, на отобрании у помещиков всей земли. Земля крестьянам!—вот лозунг Ленина с 1894 года.

Но крестьянство того времени еще спало непробудным сном. Крестьянство тогда было еще настолько темно, что верило в «батюшку-царя». Где та сила, которая пробудит крестьянство? Где та сила, которая просветит крестьянство, поведет его в бой и с ним вместе сбросит цепи рабства?

Ленин указал такую силу. Это—пролетариат, рабочий класс.

3. Как Ленин разоблачал мнимых «друзей рабочих».

Но и русский рабочий класс в то время только еще пробуждался. Революционных рабочих насчитывалось несколько десятков на всю Россию. Всю работу надо было начинать с самого начала. Как рабочему классу бороться? Как организоваться для борьбы? Где искать союзников? Над этими вопросами тогда никто еще и не задумывался. А это—труднейшие вопросы, от правильного решения которых зависело все будущее.

Ленин едет в самый большой промышленный город, Петербург, названный теперь его именем: Ленинград. Здесь он

лично ведет революционную пропаганду, пока его не арестовывают и не ссылают в Сибирь.

Эта кратковременная работа революционером-подпольщиком послужила Ленину основой для практического разрешения вопросов борьбы. Этим своим опытом Ленин воспользовался, когда в ссылке и заграницей стал научно разрабатывать вопросы и способы борьбы и организации рабочего класса. Об этом он написал книжки: «Задачи русских социал-демократов», «Что делать?», «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» и много статей. Тут Ленин, прежде всего, обрушился на мнимых «друзей рабочих». Это были интеллигенты, сочувствовавшие рабочим. Они хотели помочь рабочим улучшить свое экономическое положение, помочь им вести борьбу против того или другого хозяина-капиталиста, добиться увеличения заработной платы, сокращения рабочего дня и тому подобное. Для этого они советовали устраивать стачки. Но политическую борьбу против царского строя они считали не нужной для рабочих. Пусть с царско-помещичьим правительством борется либеральная (передовая) буржуазия, которой нужна политическая свобода. Так учили эти «друзья рабочих» или «экономисты», как их называли.

Ленин сразу разглядел здесь величайшую опасность для рабочего класса и для всей будущей революции. Что получится, если рабочие будут нажимать только на капиталистов, а борьбу с правительством предоставят либеральной буржуазии? Да то, что плодами борьбы воспользуется эта самая буржуазия, а не рабочие. Когда рабочие будут волноваться, устраивать стачки, либералы станут пугать стачками правительство и добиваться от него себе уступок. Правительство договорится, войдет в сделку с либеральной буржуазией, а рабочие останутся в дураках.

Ленин и тут применил на деле учение Маркса о том, что рабочий класс сам должен бороться

за свои права и не доверять защиты своих интересов буржуазии. Рабочему классу необходима своя собственная, независимая от буржуазии рабочая партия. Эта партия и должна взять на себя руководство всей борьбой рабочих как против капиталистов, так и против правительства. Ленин настаивал на том, что *такую революционную партию рабочих надо начать строить с самого же начала*, с первых же шагов подготовлять в среде самих рабочих опытных, закаленных в борьбе вождей, которые в будущем могли бы стать во главе революции, восстания, во главе рабочего правительства.

Такая рабочая партия должна выступить также защитницей крестьян, всех трудящихся и угнетенных. Почему? Потому что рабочий—сам труженик; рабочего самого угнетает капиталист. Рабочий—непримиримый враг всех угнетателей и притеснителей. Рабочий—естественный защитник и представитель всех трудящихся и угнетенных. Защитник сильный, могучий. Рабочие живут не рассеянно по деревням, а скученно по городам. Они могут действовать дружно, всей массой. Они—*единственная сила*, которая может противопоставить себя другой городской силе—буржуазии—и победить ее. *Рабочий класс с его партией и должен быть передовым застрельщиком, вождем и руководителем борьбы всех трудящихся против самодержавия, помещиков и капиталистов.*

Ленин сумел склонить к таким взглядам большинство тогдашних революционеров. В этом величайшая заслуга Ленина перед русским рабочим классом и перед всеми трудящимися. *Ленин с самого начала выковал крепкую, как железо, революционную партию рабочих, которая, как молот стекло, разбила вдребезги и царское самодержавие, и власть буржуазии.* Если бы

такая партия не была создана еще в те времена, в России теперь не было бы рабоче-крестьянской власти. У нас была бы не Советская, а какая-нибудь буржуазная республика или монархия. Под игом капиталистов и помещиков стонали бы русские рабочие и крестьяне, как стонут посейчас их братья в заграничных буржуазных республиках.

Дальше Ленин обрушился на меньшевиков. Меньшевики— бывшие товарищи большевиков, с ними вместе они составляли одну партию до конца 1903 года. Среди меньшевиков у Ленина были близкие друзья, например, Мартов. Но меньшевики оказались тоже ложными «друзьями рабочих». Ленин с первой же минуты заметил отклонение товарищей с правильного пути и начал с ними беспощадную борьбу. Он написал об этом книжки: «Шаг вперед, два шага назад», «Земская кампания и план «Искры», «Две тактики социал-демократов в демократической революции» и многие статьи. Меньшевики говорили, что рабочему классу нужен союзник в борьбе против царского правительства и предлагали в качестве такого союзника либеральную буржуазию. При царском самодержавии главную власть имеют помещики. Капиталисты и интеллигенция (образованные люди) хотят ограничить самодержавие конституцией, ввести политические свободы. Это выгодно для рабочего класса. Надо поддержать либеральную буржуазию в ее требованиях, надо добиваться, чтобы власть перешла от помещиков к буржуазии и чтобы была установлена такая же политическая свобода, как в заграничных странах (свобода печати, собраний, союзов и прочее). А чтобы не отпугнуть от себя буржуазного союзника, не надо выставлять таких крайних требований, как свержение самодержавия путем вооруженного восстания, 8-часовой рабочий день и тому подобное. Так учили меньшевики.

Ленин решительно заявил, что революционному рабочему не нужен союз с «революционерами в белых перчатках». Сузить, ограничить свои рабочие требования, значит—при-

способить их к требованиям буржуазии. Это значит: отказаться от самостоятельности, отдать себя под начало буржуазии. Рабочий класс будет бороться, проливать кровь, а буржуазия прокрадется к власти, обманет и надует рабочих при первой же уступке, при первой подачке ей со стороны царского правительства.

Союзника рабочему классу надо искать в другом месте.

4. Ленин провозглашает союз рабочих и крестьян.

Настоящим союзником пролетариата в революционной борьбе против самодержавия может быть только крестьянство.

Крестьяне ненавидят помещиков, как рабочие ненавидят капиталистов. Крестьяне и рабочие естественные союзники. Но рабочий класс в городах стоит у самых истоков царской власти. Ему стоит только протянуть руку и он задушит царское правительство, его губернаторов и охранников. Рабочий класс дает сигнал, начинает борьбу и руководит борьбой. Крестьянство помогает ему в борьбе, душит помещиков, крестьянские сыновья в солдатских мундирах отказываются стрелять в восставших, переходят на их сторону. Вот план. И Ленин, еще до революции пятого года, бросает свой знаменитый лозунг: «свержение царской власти путем вооруженного восстания, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Значит, еще 20 лет тому назад Ленин провозгласил союз рабочего класса и крестьянства для низвержения самодержавия и установления нового строя силами самих рабочих и крестьян, против капиталистов и помещиков.

Этот план Ленина тогда не удался. Почему? Революционные силы рабочих были еще недостаточны, а крестьянство

было тогда еще слишком темно и не оказало надлежащей поддержки революционным рабочим. Но учение Ленина о боевом союзе пролетариата и крестьянства и первый опыт суровой борьбы под руководством великого вождя не пропали даром. Именно, на этом опыте, в этой борьбе народились силы, которые привели к победе во второй и в третьей революции.

Все помнят, как тотчас после февральской революции Ленин вновь выступил с проповедью боевого союза рабочего класса и крестьянства под руководством рабочих. На этот раз Ленин ставит для этого союза еще более великие задачи. Самодержавие было свергнуто. Но государственная власть попала в руки буржуазии. Фабрики, заводы, капиталы, земли находились в руках капиталистов и помещиков. Правительство капиталистов продолжало империалистическую войну. Ленин бросил тогда свои, всем памятные, лозунги: «Долой грабительскую войну!» «Долой правительство капиталистов!» «Вся власть советам!» А для осуществления этих требований: «Да здравствует союз рабочих и крестьян!»

Ленин выставляет эти лозунги со всей решительностью и постепенно перетягивает на свою сторону большинство рабочих и солдат. Но в выборе момента для захвата власти Ленин чрезвычайно осторожен и предусмотрителен. В июле 1917 года он был против выступления, так как находил, что большевики недостаточно еще завоевали себе сочувствие среди солдат. И, действительно, июльское выступление кончилось неудачей. Наоборот, в сентябре Ленин уже настаивает на необходимости как можно скорее поднять восстание для захвата власти, иначе будет поздно. И это было совершенно верно. Правительство Керенского тогда уже готовило особые воинские части, чтобы раздавить большевиков. Октябрьский переворот помешал этому. Ленину рабочие и крестьяне обязаны тем, что в октябре победили они, а не буржуазия.

5. У руля Советской власти.

Никто из рабочих и крестьян не забудет никогда, что сделал Ленин в первые месяцы Советской власти. В первую же ночь восстания Ленин подписал декрет об отобрании земель у помещиков, монастырей и проч. Ленин добивался мира измученной стране, избавления ее от бессмысленного продолжения страшной империалистической бойни, загубившей миллионы рабочих и крестьян ради интересов капиталистов и помещиков. Ленин настоял на заключении Брестского мира с Германией (в марте 1918 года) и тем спас Советскую Россию от нашествия германских войск. Германии была уступлена часть территории, этим заткнули жадную пасть германского империализма, куском земли выиграли время для укрепления Советов. Но когда германские капиталисты, летом 1918 года, потребовали, чтобы Советское правительство не отнимало фабрик и заводов у капиталистов, Ленин решительно отклонил такое требование. Он немедленно приказал составить и издать декрет о передаче в государственную собственность всех фабрик, заводов, рудников, железных дорог и проч. Вслед за роспуском старой армии, Ленин твердой рукой подписывает, еще в январе 1918 года, декрет об организации новой, Красной Армии, в полной уверенности, что рабочие и трудящиеся крестьяне, только что вернувшиеся с фронта, все-таки станут вновь под ружье в свою армию, защищать самих себя. Этот декрет спас Советскую Россию от белогвардейских полчищ: когда они нагрянули, у нас уже были первые отряды Красной Армии. В июне 1918 года Ленин издает декрет о комитетах крестьянской бедноты, чтобы раскулачить деревню. После изгнания помещиков в деревнях осталась своя деревенская

буржуазия — кулаки, которых Ленин отлично изучил еще в молодости. У них была сила, власть в деревне. Забрав землю, скот, орудия, машины из помещичьих усадеб, кулаки не хотели больше никакой революции. Они требовали «порядка», чтобы попрежнему жать бедноту. Декрет о комитетах бедноты перенес октябрьскую революцию в деревню. Он поднял крестьянскую бедноту против деревенской буржуазии. Беднота организовалась, подобно городским рабочим, и сломила упорное сопротивление кулаков рабоче-крестьянской власти. Когда в скорости разгорелась гражданская война, деревенская буржуазия не могла уже оказать большой поддержки наступавшим белогвардейцам, не могла помешать организации Красной Армии и ее победам.

Среди других декретов, изданных во время гражданской войны, были декреты очень тяжелые для крестьянства. Например, декрет о продовольственной разверстке, декрет о трудовой повинности и прочие. Но как бы тяжелы ни были эти декреты для крестьянства, теперь-то каждому ясно, что они были безусловно необходимы именно ради блага самого крестьянства. Продразверстка собирала хлеб для Красной Армии и для промышленных рабочих, которые работали тогда исключительно на Красную Армию. Трудовая повинность была необходима для подвоза хлеба, дров для фабрик и заводов, для той же Красной Армии. Ленин отлично знал, как тяжелы для крестьянства эти его декреты. Но он также прекрасно видел, что иного выхода не было. Если бы не эти мудрые декреты, написанные Лениным, фабрики и заводы остались бы без хлеба и топлива, Красная Армия разбежалась бы с голода, царские генералы взяли бы нас в два счета. Тяжкие жертвы забудутся. Но никогда не забудется трудящимися мудрая твердая воля вождя, рука которого не дрогнула, подписывая самые

жестокие, но спасительные приказы. Тем большая ему хвала и слава! Тем большая благодарность грядущих поколений!

6. Организация союзников в тылу наших врагов.

За Лениным есть еще одна великая заслуга: Ленин является создателем Коммунистического Интернационала.

Еще в самом начале войны заграницей, как только огромное большинство старых социалистов перекинулось на сторону буржуазных правительств, Ленин сразу твердо сказал: «Второй Интернационал умер. Да здравствует Третий Интернационал!» Сказать, что умерло старое, многомиллионное международное об'единение рабочих, когда оно было еще в расцвете сил!—это мог только Ленин. И это была сущая правда: старый Интернационал очень быстро развалился. Ленин тогда же, в Швейцарии, принялся создавать новый, третий, Коммунистический Интернационал из самых решительных противников империалистической войны, сторонников революционной борьбы против буржуазии.

После октябрьской революции Советская Москва стала центром Красного Интернационала. Здесь происходили с'езды нового революционного международного товарищества рабочих, которое в эти несколько лет охватило весь земной шар. Ленин дал для этого Интернационала все руководящие мысли и основные организационные положения. Ленин написал научную книгу: «Государство и революция». В этой книге он доказывает, что государство есть не что иное, как орудие господства в руках определенного класса, что во всех капиталистических странах буржуазный класс пользуется государственной властью в своих целях для подавления трудящихся. И Ленин учит рабочих всех стран брать государственную власть в свои руки.

создавать свое государство трудящихся. В другой своей книжке под названием «Детская болезнь левизны в коммунизме» Ленин обстоятельно учит заграничных коммунистов, как надо вести пропаганду среди рабочих, как надо подготовлять революцию, чтобы она победила.

Ленин строил Третий Интернационал совсем иначе, чем был построен Второй Интернационал. Социалистические партии Второго Интернационала изредка с'езжались на международные конгрессы. Здесь произносились прекрасные революционные речи и принимались такие же резолюции. Но, раз'ехавшись, вожди забывали про эти резолюции, каждая партия действовала по-своему. Второй Интернационал не страшен был буржуазии, потому что он не вел действительной революционной борьбы против нее. Коммунистические партии Третьего Интернационала собираются на с'езды ежегодно. Его резолюции обязательны к исполнению каждой партией. Кто их не слушается, тот исключается из Интернационала. С'езды выбирают Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала,—его боевой штаб. В него входят представители главнейших коммунистических партий. Он действительно, на деле руководит революционной борьбой рабочих во всех странах. Он действительно подготовляет свержение власти буржуазии в капиталистических странах и захват власти трудящимися. Так же действует и каждая коммунистическая партия.

Нужно ли много раз'яснять, какое огромное значение имеет для нашего Союза Советских Республик создание такого Красного Интернационала! Ленин неустанно твердил, что победа над нашей буржуазией до тех пор не обеспечена окончательно, пока заграничные рабочие и крестьяне не победили своей буржуазии. Нашему Союзу Советских Республик грозит смертельная опасность до тех пор, пока Советская власть не возникла еще в одной или двух больших

странах. Ленину мы обязаны тем, что теперь уже всюду во вражеском стане у нас есть сильные надежные союзники—коммунистические партии, об'единенные в Красный Интернационал.

7. Ленин, рабочий класс и крестьянство.

Как только кончилась гражданская война, Ленин первый же проявил величайшую заботу и внимательность к трудящемуся крестьянству. Он проявил эту заботу в такой форме, что решительно каждый крестьянин ее видел, понимал и чувствовал. Нам нет надобности говорить о новейших декретах Ленина, облегчавших положение крестьянства, как-то: отмена продразверстки, введение продналога, разрешение свободной торговли и прочие. Их все знают. Позднейшие декреты, изданные уже во время болезни Ленина,—декреты, облегчающие налоги для крестьянства, постановления, понижающие цены на промышленные товары, декрет о дешевом снабжении крестьянства машинами в долгосрочный кредит и прочие,—все эти меры проведены во исполнение заветов Ленина. О них также нет надобности говорить подробно. Но я должен рассказать, как в последние годы жизни Ленин вступился за крестьянство перед рабочим классом, как он защищал интересы трудящегося крестьянства, как он учил рабочих и коммунистическую партию соглашению с трудящимся крестьянином, как он наказывал: пуще всего беречь и укреплять союз рабочих и трудовых крестьян.

Тут Ленин главную мысль взял опять-таки у своего учителя Маркса. Маркс учил, что в капиталистическом обществе основные силы только две: буржуазия и пролетариат. Буржуазия—строитель капиталистического общества. Про-

летариат—разрушитель его, его могильщик. Среднее трудовое крестьянство стоит посредине между этими двумя классами-врагами. Средний крестьянин—труженик, он борется против грабежа его труда помещиком и капиталистом. Но в то же время он—собственник. Как же должен относиться пролетариат к среднему крестьянству? Привлечь его на свою сторону особыми мерами. Постараться, чтобы среднее крестьянство не помешало борьбе рабочего класса с буржуазией. Ни в каком случае рабочий класс не должен применять насильственных мер против среднего трудового крестьянства. Такого мнения держались все вожди социалистов.

Ленин разработал эту мысль в целое учение об отношении рабочего класса к крестьянству во время рабочей революции. Это учение он изложил в ряде речей на с'ездах коммунистической партии и на с'ездах советов. Вот в чем состоит это учение:

Крестьянство заинтересовано в такой революции, которая свергает господство помещиков и крупных капиталистов. Такая революция передает крестьянам землю от помещиков и избавляет их от кабалы у капиталистов, у которых крестьяне состоят в неоплатных долгах за орудия, машины, за удобрения, за землю. Все крестьянство, или по крайней мере среднее и беднейшее крестьянство, поддерживает рабочих в такой революции; в крайнем случае, оно не мешает рабочим. Но дальше среднее крестьянство (не говоря уже о кулаках) начинает отставать от рабочих. Оно склонно ограничиться первыми победами, оно с трудом усваивает необходимость беспощадного подавления капиталистов и помещиков до конца. Некоторые меры рабочего правительства, затрагивающие непосредственные интересы крестьянства, могут вызвать в нем серьезное недовольство, хотя эти меры безусловно необходимы для окончательного подавления

военного сопротивления буржуазии. Гражданская война разоряет крестьянское хозяйство, нарушает привычную и необходимую для крестьянина связь с городским рынком. А когда рабочие принимаются строить крупное товарищеское производство в сельском хозяйстве и налаживать непосредственный обмен продуктами между городом и деревней, среднее крестьянство уже не поддерживает рабочих в этом деле. Крестьянин из поколения в поколение привык вести свое маленькое единоличное хозяйство, привык сам сбывать на рынке произведенные им продукты, сам покупать все необходимое для своего хозяйства. У крестьянина предубеждение и даже ненависть к крупному сельскому хозяйству: оно напоминает ему помещичью экономию, положение батрака, угнетение помещика. Кроме того, даже в передовых странах деревня темна: помещики и буржуазия веками держали деревню в рабстве и темноте. Наконец, встречается затруднение и в том, что нет опытных строителей. Коммунистов, которые родились бы и выросли в коммунистическом обществе, которые бы знали, как его строить, таких «готовеньких», «чистеньких» коммунистов на свете нет и быть не может. И даже в книжках этому делу научиться нельзя: таких книжек тоже нет. Строить коммунистическое общество приходится тем же простым рабочим, которые свергли буржуазию, которые сами выросли в буржуазном обществе, вышли из той же самой темной деревни.

Как же быть? Действовать насилием? Поступить так, как с буржуазией? Но капиталистов и помещиков была кучка. Эту верхушку легко было снести. Это были эксплоататоры, кровососы, грабители труда. А средний крестьянин — свой брат труженик. Средних крестьян десятки миллионов. Т у т р а б о ч и й - к о м м у н и с т д о л ж е н д е й с т в о в а т ь н е п р и н у ж д е н и е м, а у б е ж д е н и е м, с о в е т о м, т о в а р и щ е с к о й д е л о в о й п о м о щ ь ю. Р а б о ч и й к л а с с, р а б о ч е е п р а в и т е л ь с т в о д о л ж н о н е м е д л е н н о д а т ь с р е д н е м у к р е с т ь я н с т в у

4*

все облегчения, какие только возможны. Рабочий должен помочь трудовому крестьянину восстановить его хозяйство. Он должен присматриваться к крестьянской жизни, внимательно изучать ее. На примере, на деле он должен показать крестьянину, что действительно возможна иная, лучшая жизнь, иное, лучшее хозяйство на земле. Как построить крупное товарищеское сельское хозяйство, какие выгоды оно дает земледельцу, как облегчает оно и улучшает его жизнь,—все это рабочий должен показать крестьянину и доказать на деле. Тогда крестьянин проникнется доверием к рабочему-коммунисту, тогда крестьянство будет на стороне рабочего правительства. «Действовать здесь насилием—значит погубить все дело»,—говорит Ленин.—«Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина. Задача здесь сводится не к экспроприации (отнятию собственности) среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать!»

Так учил Ленин. Он, рабочий вождь, выступает и говорит здесь так, что лучше не мог бы сказать и крестьянский вождь, вышедший из недр самого крестьянства. Ленин умел защищать интересы трудового крестьянства так, что лучше едва ли бы защитили их и сами крестьяне. В то же время он умел согласовать эти интересы с интересами рабочих и всей рабоче-крестьянской республики в целом.

Таким образом, одно дело — свергнуть буржуазию, совсем другое дело — построить социалистическое общество. Первое дело делается сравнительно легко, быстро и при поддержке крестьянства. Второе дело — пере-

устройство общества—несравненно труднее, сложнее, требует длительного времени и делается **без поддержки крестьянства.**

От свержения власти буржуазии до устройства жизни на товарищеских началах должен пройти более или менее большой срок. А до полного переустройства всего общества на коммунистических началах сменится, быть может, не одно поколение. Переходное время в разных странах будет разное, короче или длиннее. Чем больше фабрик, заводов, чем больше крупных сельских хозяйств было в стране еще при буржуазии, тем легче и скорее произойдет перемена. В общем, могут быть два случая, два пути развития.

1. **Социалистическая революция в промышленной стране.** Здесь имеется могучая крупная промышленность. Рабочий класс составляет большинство населения. Коммунистическая партия и другие рабочие организации многочисленны, в них много опытных культурных и организаторских сил. В земледелии имеются также крупные сельско-хозяйственные предприятия, своего рода «хлебные фабрики». Сельско-хозяйственные наемные рабочие составляют многочисленный класс, который в деревне является прямым союзником городских промышленных рабочих.

Благодаря этому, в **такой стране вполне возможно сразу удовлетворить крестьянство промышленными изделиями, быстро организовать непосредственный обмен продуктами между городом и деревней без рынка, без денег, без торговцев.** Рабочее правительство может быстро организовать распределительные пункты, с которых крестьянство будет получать все необходимое в обмен на свои продукты. В такой стране вполне возможно в короткий срок установить **правильные, нормальные отношения между пролетариатом и крестьянством.** «**Нормальные отношения,**—говорит Ленин,—**таковы и только**

таковы, чтобы пролетариат держал в своих руках крупную промышленность с ее продуктами и не только полностью удовлетворял крестьянство, но, давая ему средства к жизни, так облегчил бы его положение, чтобы разница по сравнению с строем капиталистическим была очевидна и ощутительна. Это и только это создаст базу (основу) нормального социалистического общества».

2. Социалистическая революция в земледельческой стране. Здесь картина будет несколько иная. Промышленность здесь слаба, пролетариат составляет меньшинство населения, коммунистическая партия и другие рабочие организации немногочисленны, опытных культурных и организаторских сил у них немного. В земледелии очень мало крупных хозяйств, мало сельскохозяйственных наемных рабочих. В деревне у городских рабочих нет сильного прямого союзника в деле социалистического переустройства. Огромное большинство населения составляют мелкие сельские хозяева, крестьяне.

Поэтому в такой стране нет возможности сразу удовлетворить крестьянство промышленными изделиями, нет возможности быстро наладить непосредственный обмен продуктов между городскими и сельскими работниками-производителями. Чтобы в такой стране создать правильные, нормальные отношения между пролетариатом и крестьянством, рабочему правительству нужно сначала развить промышленность до крупных размеров. Или же такой стране должна помочь рабочая революция в большом промышленном государстве,—дать земледельческой стране необходимые промышленные изделия. Пока этого нет, безусловно необходимо допустить одновремен-

ное существование двух разных хозяйственных распорядков: рабочего хозяйственного строя с его крупной социалистической промышленностью и крестьянского хозяйственного порядка с его мелким частным производством. Необходимо соглашение рабочего класса с крестьянством.

В первую голову, не медля ни минуты, рабочее правительство должно восстановить привычную для крестьянина, разорванную гражданской войной хозяйственную связь, смычку между деревней и городом, чтобы колеса мелкого единоличного крестьянского хозяйства опять завертелись обычным для него порядком. Необходимо допустить свободное соревнование (конкуренцию) на основе обычных рыночно-торговых условий между всеми товаро-производителями как городскими, так и сельскими, как социалистическими, так и частно-хозяйственными. Разрешить торговать, заводить свои хозяйства и предприятия всем желающим. Кто будет производить лучше, дешевле, кто наладит снабжение населения лучше, дешевле,—тот победит. Крестьянство пойдет за тем, кто даст ему необходимые промышленные продукты лучше и дешевле, кто быстрее и удобнее для крестьянина восстановит смычку деревни с городом. Разумеется, рабочие должны приложить все старания к тому, чтобы как можно быстрее наладить промышленное производство и государственную торговлю наилучшим образом, чтобы помешать частным капиталистам опутать крестьянское хозяйство своими путами, чтобы установить хозяйственную смычку рабочих с крестьянством. Так как в руках рабочего правительства находятся все крупные промышленные предприятия, все пути сообщения, все крупные капиталы, то победить должны рабочие, а не частные предприниматели.

Но ведь это значит все-таки допустить возникновение новой буржуазии, возрождение капитализма? Да,—отвечает Ленин. Однако, иного выхода нет. Мелкое единоличное хозяйство, частная торговля,—таково требование крестьянства. Иначе оно хозяйствовать не умеет, не может. А между тем именно из такого хозяйственного распорядка и возникает, всегда возникал капитализм. Этому Ленин учил непонятливых «народников» еще тридцать лет тому назад. Это повторяет он и в последние годы. «Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из свободной торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и рабочие руки, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, то-есть воссоздание снова капиталистического рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледельческого хозяйства». В этом страшная опасность, которую должны отчетливо сознавать все трудящиеся крестьяне. Им Ленин со всей откровенностью, прямиком ставит вопрос: «Хотите вы итти назад, хотите реставрировать (восстановить) частную собственность и свободу торговли целиком? Тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров и примеров революций это свидетельствует... Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянству расходиться с пролетариатом так, чтобы откатиться назад и позволить откатываться до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе. И мы думаем, что если рассчитывать правильно, то при всей сознаваемой глубокой розни экономических интере-

сов пролетариата и мелкого землевладельца, расчет будет в нашу пользу» (то-есть, в пользу пролетариата, а не буржуазии).

Итак, между пролетариатом и трудовым крестьянством должно быть соглашение на основе правильного расчета обоюдной выгоды. Рабочие ни за что не отдадут своих фабрик и заводов капиталистам. Крестьяне ни за что не возвратят земель помещикам. Пусть же рабочие и крестьяне столкуются на счет хозяйственных вопросов, чтобы вместе ни за что не допустить возникновения новых помещиков и капиталистов, возрождения капитализма, грабежа трудящихся. «Путь союза народных масс есть единственный путь, на котором труд крестьянина и труд рабочего будет трудом на себя, а не трудом на эксплоататора». Так говорит Ленин.

Как же именно должны действовать крестьяне? Ленин указывает простой, понятный и доступный каждому крестьянину путь. Пусть мелкие сельские хозяева остаются мелкими самостоятельными хозяевами, но пусть они об'единятся в кооперативные союзы! Пусть продают продукты своего труда только рабочим кооперативам и государственным органам! Пусть покупают все необходимые промышленные продукты только у рабочих кооперативов и государственных органов! Пусть рабочие и крестьяне своей кооперацией вытравят те проклятые места, где плодится проклятая буржуазия—частные рынки-базары! Пусть кооперацией вытравят они, как крыс, частных торговцев!

Дружная совместная работа крестьян и рабочих над улучшением хозяйственного порядка и над переустройством жизни на товарищеских началах простыми, каждому крестьянину понятными, способами! Тесный, братский, неруши-

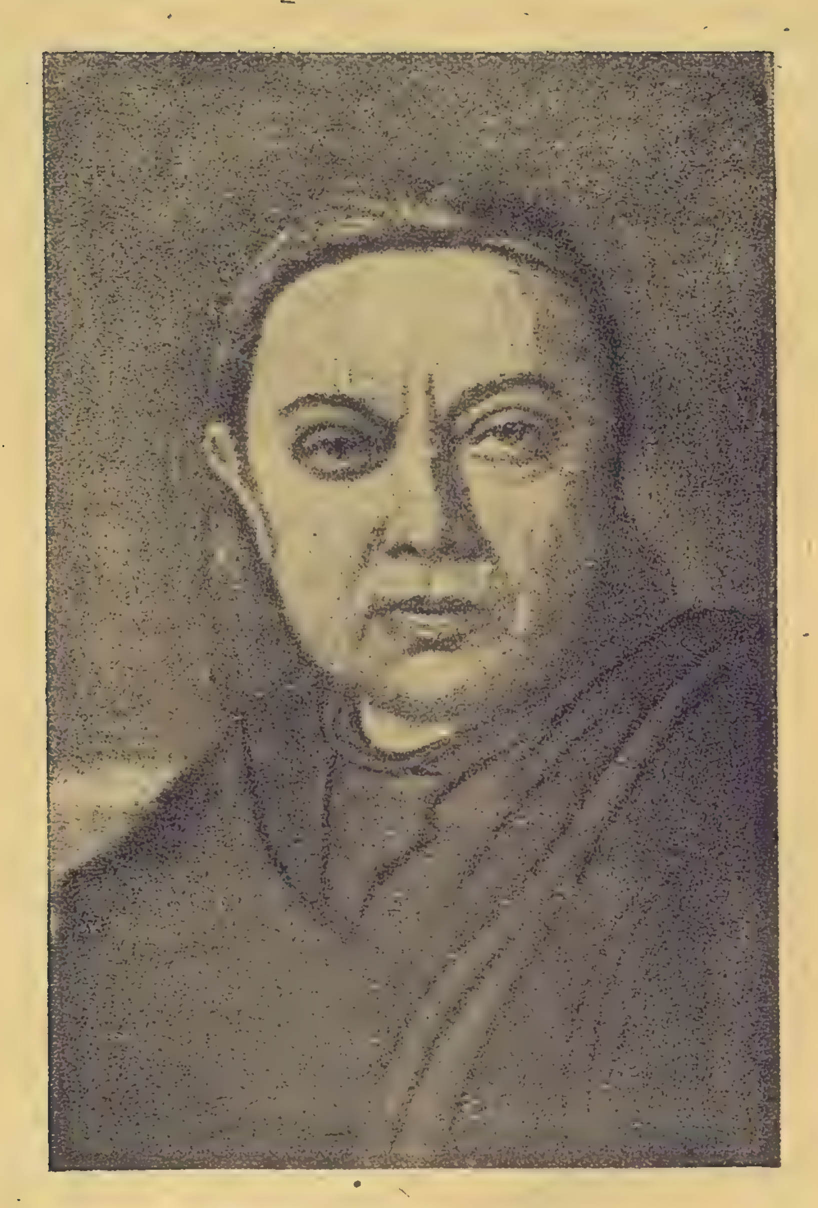
мый союз рабочего и крестьянина! Вот что заповедал нам Ленин.

Есть такая сказка. Старик-крестьянин перед смертью позвал к себе своих сыновей. Велел подать себе веник. Вынул по прутику, сказал сыновьям: «ломайте!» Те легко сломали прутья. Тогда старик дал веник: «попробуйте сломать!» Как ни бились, никто сломать не мог. «Живите же дружно и будете счастливы»,—сказал старик.

Два любимых сына было у Ленина: рабочий и крестьянин. Великую заповедь оставил он им, умирая:

— Как зеницу ока, берегите союз рабочих и крестьян! Сбережете—никакая буржуазная сила не одолеет вас. Нарушите—погибнете оба!

ПРИЛОЖЕНИЯ

Н. К. Крупская.

РЕЧЬ ТОВ. Н. КРУПСКОЙ

НА 2-м С'ЕЗДЕ СОВЕТОВ СССР.

— Товарищи! То, что я буду говорить, меньше всего будет напоминать какую-нибудь парламентскую речь. Но я говорю представителям республик трудящихся, близким, дорогим товарищам, которым предстоит строить жизнь на новых началах, и поэтому, товарищи, я думаю, что я не должна связывать себя никакими условностями.

Товарищи, эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь и вот, что я хотела сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным. Никогда этого не говорил он сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Но я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения. Это чувство заставило его страстно и горячо искать ответа: каковы должны быть пути освобождения трудящихся? Ответ на свои вопросы он получил у Маркса. Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные, настоятельные вопросы, и он нашел там ответы. С этими ответами пошел он к рабочим. Это были девяностые годы. Он не мог говорить тогда на митингах. Пошел он в Петербург, в рабочие кружки. Пошел он рассказать то, что

он узнал у Маркса, рассказать о тех ответах, которые он там нашел. Но пришел он к рабочим не как надменный учитель. Он пришел, как товарищ. Он не только говорил и рассказывал, он внимательно слушал, что говорил ему рабочий. А петербургские рабочие говорили ему не только о порядках на фабрике, не только об угнетении рабочих, они говорили ему и о своей деревне.

В зале Дома Союзов, у гроба Владимира Ильича я видела одного из рабочих, который был тогда в кружке Владимира Ильича. Это—тульский крестьянин. И вот этот тульский крестьянин, рабочий Семянниковского завода, говорил Владимиру Ильичу: тут в городе мне все трудно об'яснить, а пойду я в свою Тульскую губернию и скажу все, что вы говорите; я скажу своим родным, скажу и другим крестьянам. Они мне поверят. Я ведь свой. И тут никакие жандармы нам не помешают.

Мы вот теперь много говорим о смычке между рабочими и крестьянами. Эта смычка, товарищи, дана самой историей. Русский рабочий одной ногой, одной стороной своей — рабочий, а другой стороной—крестьянин. Работа среди петербургских рабочих, разговоры с ними, внимательное прислушивание к их речам дало Владимиру Ильичу понимание великой мысли Маркса, той мысли, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся. В том, что он передовой отряд, в том, что за ним идут далее все массы трудящихся, все массы угнетенных, в этом его сила, в этом залог его победы. Только как вождь всех трудящихся, рабочий класс может победить. Это понял Владимир Ильич, когда он ходил и работал среди петербургских рабочих, и эта мысль, эта идея освещала всю дальнейшую его деятельность, каждый его шаг. Он хотел власти для рабочего класса, он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житье за счет других трудящихся. Он понимал, что историческая задача рабочего класса—освободить всех угнетенных, освободить всех трудящихся. Вот эта

основная идея и положила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители советских республик, республик трудящихся! К вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу.

Я хочу сказать, товарищи, последние несколько слов. Товарищи, умер наш Владимир Ильич, умер наш любимый, наш родной. Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое для Ленина знамя, знамя коммунизма. Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма.

РЕЧЬ ТОВ. М. И. УЛЬЯНОВОЙ

НА ПЛЕНУМЕ МОСКОВСКОГО СОВЕТА.

Товарищи! Я хочу поделиться с вами несколькими штрихами из жизни Владимира Ильича. Вы знаете, товарищи, что Владимир Ильич был богато одарен от природы. Но помимо этого он обладал необыкновенной способностью итти твердо и непреклонно к раз намеченной им цели. Еще совсем юным, в последних классах гимназии, он проводил все вечера за книгами, за подготовкой к той революционной работе, которую он поставил целью своей жизни. Но особенно памятно мне осталось время после окончания им гимназии, годы, когда он жил с нами в Казани и Самаре, до от'езда его в Петербург. Весной 1887 года мы получили известие о казни старшего брата. Особенно запечатлелось мне выражение лица Владимира Ильича в эту минуту, когда он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». И вот, с тех пор он стал подготовлять себя к тому пути, который он считал единственно правильным для освобождения России от ига царя и капитала.

Я помню, когда мы жили в деревне Самарской губернии, Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, чтобы там заниматься. Там стоял стол и скамейка,

М. И. Ульянова.

и там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он умел не только читать книги, он умел изучать их, составлял конспекты, делал выписки Я приходила тогда в тот уголок сада, чтобы заниматься с ним языками, и, несмотря на то, что я была совсем ребенком, меня даже тогда поражала та настойчивость и аккуратность, с которой Владимир Ильич делал то дело, за которое он брался. И настолько силен был его нравственный облик, что тогда уже без всяких понуканий хотелось сделать все на свете, лишь бы он был доволен тобой, лишь бы заслужить его одобрение. Целые дни Владимир Ильич проводил за книгами, отрываясь только для прогулки, для разговоров и споров с тем небольшим кружком товарищей, которые так же, как и он, подготовляли себя к революционной работе. И это умение работать, это упорство осталось за ним всю жизнь. И в ссылке и заграницей он пользовался всяким свободным моментом, чтобы отправиться в библиотеку. У нас сохранилось много тетрадок и выписок, по которым можно судить, какое громадное количество литературы по всем отраслям знания успел за свою жизнь проштудировать Ильич.

И в последние годы, когда уже он был болен и когда наступало временное облегчение, он сейчас же начинал упражняться в письме и языке и достиг в этом больших успехов, несмотря на свой тяжелый недуг. Я думаю, товарищи, что, как во многом другом, нам всем надо учиться у Ильича уменью работать над своим образованием, уменью использовать для этого каждый час, каждую минуту. Не подковав себя в теоретическом смысле, мы не будем во всеоружии для предстоящих новых боев, особенно теперь, когда ответственность каждого из нас возросла после кончины нашего вождя и учителя во много раз.

Еще один штрих: отношение Ильича к товарищам и вообще к людям. Совершенно исключительную чуткость и заботливость Ильича к товарищам многие из вас, вероятно,

испытали на себе. Устройство комнат, квартир, пособий и т. д.—никогда не отказывал Ильич в таких просьбах. Но не только тогда, когда товарищи обращались к Владимиру Ильичу, исполнял он их просьбы,—он и сам по собственному почину заботился о них. Сколько раз, замечая, что тот или иной товарищ утомился или плохо выглядит, он посылал к нему врача, звонил в Ц. К., чтобы устроить товарищу отпуск, возможность отдохнуть и полечиться. Сплошь да рядом обращался он ко мне с просьбой узнать, как живет тот или другой товарищ, не надо ли ему чего и т. д.

Но не только к товарищам было у него такое внимательное отношение. Такое же отношение он проявлял к тем, которые были с ним незнакомы или даже ему чужды. Вы помните 18-й и 19-й годы, вы помните, какое количество врагов Советской власти было тогда повсюду, какую непреклонную борьбу приходилось вести с ними. Владимир Ильич умел быть непреклонным к этим врагам, но он мог проявлять высшую справедливость, поскольку он видел ту или иную ошибку, допущенную к кому-либо из них. Я приведу один небольшой факт. Их можно было бы привести много, но я ограничусь пока одним. На-днях мы получили письмо. Автор письма в 19-м году был приговорен к расстрелу. Его мать, обезумевшая от горя, побежала в Кремль в надежде, что она сможет повидать Ленина, но ей не удалось его видеть. Она возвращается домой и находит письмо Ленина, доставленное самокатчиком, в котором он пишет, чтобы она не волновалась, что можно подать кассационную жалобу и, наконец, просить В. Ц. И. К. о помиловании. Кассационная жалоба не была удовлетворена. Но когда мать автора этого письма пришла в В. Ц. И. К. просить о помиловании, то секретарь встретил ее словами: «Да, знаю, знаю, мне тов. Ленин много раз звонил о вас». В результате, обвиненный был помилован и позднее выбран членом Московского совета.

«Скажите,—пишет автор,—в какой части света можно найти главу государства, который проявил бы столько вни-

мания к человеку, совершенно для него незнакомому и чуждому?»

Я думаю, товарищи, что и в этой области нам надо поучиться у Владимира Ильича, внимательному и чуткому отношению к товарищам. Теперь, когда в напряженной борьбе из наших рядов выбывают один за другим товарищи, нам надо у Ильича поучиться заботливому и внимательному отношению к товарищам, окружающим нас, пока они еще живы.

СООБЩЕНИЕ О БОЛЕЗНИ и КОНЧИНЕ В. И. УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА

Начало болезни Владимира Ильича Ульянова (Ленина) относится к концу 1921 года; точное время начала болезни определить трудно, так как по всем данным она развивалась медленно и лишь постепенно подтачивала его могучий организм в расцвете его деятельности, при чем сам Владимир Ильич не обращал на свою болезнь должного внимания.

В марте 1922 года врачи, исследовавшие Владимира Ильича, еще не могли обнаружить никаких органических поражений ни со стороны его нервной системы, ни со стороны внутренних органов вообще, но в виду сильных головных болей и явлений переутомления ему было предложено отдохнуть в течение нескольких месяцев, вследствие чего он переехал в Горки. Однако, вскоре вслед за этим, в начале мая, обнаружились первые признаки органического поражения мозга. Первый приступ выразился общей слабостью, утратой речи и резким ослаблением в движении правых конечностей; эти явления продолжались в течение трех недель.

В дальнейшем начали повторяться подобные же припадки, не дававшие стойких явлений; они наступали периодически в течение мая, июня, июля и длились от получаса до двух часов. Благодаря сильному организму, заботливому уходу окружающих, в июле уже наступило существенное улучшение, настолько закрепившееся в августе и сентябре, что в октябре Владимир Ильич вернулся к своей деятельности, хотя и не в прежнем размере. В ноябре он произнес три больших программных речи.

С начала декабря припадки возобновились, выражаясь в преходящих параличах правых конечностей, и 16-го декабря наступил стойкий паралич правой руки и правой ноги, заставивший его слечь в постель.

В январе и феврале 1923 года в состоянии здоровья Владимира Ильича наблюдались колебания то в сторону улучшения, то в направлении ухудшения. В феврале Владимир Ильич еще диктовал свои политические статьи.

9-го марта развился тяжелый приступ паралича правой половины тела с резким поражением речи, сразу принявший стойкий характер.

В середине мая, в расчете на благотворное действие воздуха, Владимир Ильич был перевезен в Горки, где он оставался все последующее время своей болезни. В Горках сначала наступило некоторое улучшение, но во второй половине июня появилось обострение болезненного процесса с явлениями возбуждения и бессонницы, что продолжалось около месяца. Во второй половине июля болезненные явления затихли и с этого времени начался период медленного, но непрерывного улучшения. Ежедневно Владимир Ильич совершал прогулки, катаясь в кресле по парку, был в хорошем настроении, аппетит и сон восстановились до нормальных размеров. Постепенно он начал ходить без посторонней помощи, а с начала августа оказалось возможным приступить к упражнениям для восстановления утраченной способности речи.

Эти упражнения производились систематически сначала врачами, а затем супругой Владимира Ильича, Надеждой Константиновной, под руководством врачей, и она вела их почти до дня смерти Владимира Ильича. Заботу о физическом благополучии с самого начала взяла на себя его сестра, Мария Ильинична, и неустанно продолжала это до последнего дня.

В сентябре Владимир Ильич мог уже без посторонней помощи сходить с лестницы и входить на нее, держась за перила, а в октябре он самостоятельно ходил по комнате, опираясь на палку. В сентябре он почти ежедневно ездил на прогулку в лес на автомобиле и оставался на воздухе два-три часа.

Речь улучшалась постепенно; Владимир Ильич ежедневно брал газету, просматривал ее и указывал статьи, которые должны были ему прочитываться, при чем живо интересовался их содержанием, ясно его усваивая. Хотя медленно и с трудом, он начинал упражняться в письме левой рукой.

С наступлением солнечных зимних дней Владимир Ильич нередко ездил в санях в лес в сопровождении охотников. Во время этих прогулок бывал оживлен и весел. На рождестве была устроена елка для детей, на которой Владимир Ильич присутствовал, был в хорошем настроении и заботился, чтобы детей не стесняли в их играх.

Можно было ожидать, что состояние здоровья Владимира Ильича упрочивается, и улучшение, хотя и медленное, будет итти вперед. Однако, вслед за кратковременным периодом предвестников, 21-го января в 6 часов вечера разразилась катастрофа: почти в течение часа продолжался остро развившийся и бурно протекавший припадок, выразившийся в полной утрате сознания и в резком общем напряжении мускулатуры. В 6 часов 50 минут последовал смертельный исход, вследствие паралича дыхания, при явлениях гипертермии (перегревания) тела до 42,3 градуса. Смертельный исход был установлен присутствовавшими во время припадка и оказывавшими ему помощь профессорами Ферстером, Осиповым и доктором Елистратовым.

С самого начала заболевания Владимира Ильича и в течение всей его болезни принимались все меры для точного выяснения его болезненного состояния и восстановления его здоровья. Больной находился под постоян-

ным наблюдением и пользованием врачей; периодически устраивались консилиумы, состоявшие из русских и заграничных профессоров и врачей, часть которых принимала длительное участие в лечении больного. Последний консилиум состоялся 15-го января 1924 года. В пользовании Владимира Ильича и в консилиумах принимали участие: профессор Даркшевич, проф. Ферстер, проф. Клемперер, проф. Борхардт, проф. Россолимо, проф. Крамер, доктор Кожевников, д-р Левин, д-р Гетье, проф. Минковский, проф. Штрюмпель, проф. Кеншер, проф. Нонке, проф. Бумке, д-р Елистратов, проф. Обух, проф. Вейсброд, д-р Розанов, проф. Авербах, проф. Осипов, проф. Бехтерев, д-р Доброгаев, проф. Кроль, проф. Фельдберг, д-р Попов, наркомздрав Семашко.

Вскрытие тела покойного Владимира Ильича было произведено 22-го января проф. Абрикосовым в присутствии проф. Ферстера, проф. Осипова, проф. Дешина, проф. Вейсброда, проф. Бунак, д-ра Гетье, д-ра Елистратова, д-ра Розанова, д-ра Обуха, наркомздрава Семашко. Вскрытие обнаружило резко выраженный общий склероз сосудов с особенно тяжелыми изменениями, до степени об'извествления мозговых артерий, множественные и обширные очаги размягчений на почве артериосклероза в левом и отчасти в правом полушариях головного мозга; свежее кровоизлияние в области четверохолмия.

Данные вскрытия, а также история болезни устанавливают, что единственной основой болезни покойного Владимира Ильича является распространенный, резко выраженный, давний склероз сосудов мозга, явившийся последствием чрезмерной мозговой деятельности в связи с наследственным предрасположением к склерозу. Вследствие сужения просветов артерий мозга и нарушения его питания в зависимости от недостаточного притока крови развивались очаговые размягчения мозговой ткани, об'ясняющие все предшествующие симптомы болезни (параличи, расстройство речи). Непосредственной причиной смерти явилось усиление расстройства кровообращения в головном мозгу и кровоизлияния в область четверохолмия.

Таким образом, данные вскрытия выяснили, что у Владимира Ильича имелся неизлечимый болезненный процесс в сосудах, который, несмотря на все принятые меры, неминуемо должен был привести к роковому концу.

Проф. Ферстер, проф. Осипов, проф. Абрикосов, проф. Фельдберг, проф. Вейсброд, проф. Дешин, наркомздрав Семашко.

Москва, 23-го января 1924 года.

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ, КО ВСЕМ МОЛОДЫМ РАБОЧИМ и КРЕСТЬЯНАМ СССР.

21-го января не стало Ильича. Под бременем гигантских забот и непрестанных тревог о судьбах угнетённых всего мира, о судьбах Союза Советских Республик пал великий вождь и учитель пролетариата.

Мы потеряли вождя, неутомимого и бесстрашного борца, мудрого учителя. Нет больше человека, на которого были устремлены глаза всех друзей и врагов пролетариата, по каждому слову которого двигались на борьбу за рабочее дело десятки миллионов российских и западных рабочих, крестьян из глухих и темных деревень, обездоленных трудящихся Востока. Нет больше учителя, который десятки лет воспитывал и вел к победе одно за другим поколения рабочего класса России. Не стало того, кто и нашему поколению, выросшему уже после октябрьской победы, вложил в руки острое оружие своей ясной мысли, непоколебимой преданности рабочему классу, готовности сложить голову за революцию.

Злорадствует от этого известия стан наших врагов— мировая буржуазия. Великой скорбью и горем наполнены сотни миллионов сердец трудящихся и угнетенных. Но в эти тяжелые дни **нет места отчаянию в наших рядах.**

МОЛОДЫЕ РАБОЧИЕ!

Ильич привел пролетариат к октябрьской победе. В советском государстве, руководимом Ильичем, для вас открылась дорога к знанию, к участию в борьбе и в строительстве новой жизни. Сомкнувшись вокруг Комсомола, рабочая молодежь должна вместе с ним бороться и учиться. Молодое поколение пролетариата должно стать поколением ленинцев.

МОЛОДЫЕ КРЕСТЬЯНЕ!

Под руководством Ильича в партии большевиков крестьянство прогнало помещиков и отобрало у них землю. В тягчайшие годы гражданской войны руководимое Ильичем советское государство отстояло от помещиков и царских генералов крестьянскую землю. Через неразрывный союз рабочих и крестьян, через постоянную помощь города деревне и деревни городу Ильич повел крестьянство к лучшей жизни. Вместе с рабочей молодежью вы получили доступ к знанию и культуре, вместе с рабочей молодежью вы должны побороть темноту и невежество, сомкнуться под знаменем Комсомола, укрепить смычку рабочих и крестьян и тем самым воплотить дело Ильича в жизнь.

КОМСОМОЛЬЦЫ!

Ильич привил нам огненную ненависть к обществу насилия и порабощения; он поселил в нас свою железную волю, направленную к разрушению этого общества, к созданию коммунизма.

Ильич учил нас на тернистых и извилистых путях к победе никогда не поддаваться усталости, колебаниям, унынию. Ильича не стало. Но коммунистическая партия, опираясь на

неразрывный союз рабочих и крестьян, впитывая в себя из нашей среды новые и новые тысячи молодых ленинцев, продолжит и завершит его бессмертное дело.

Теснее ряды вокруг нашей партии!

Упорной и длительной учебой впитаем в себя опыт старой большевистской гвардии!

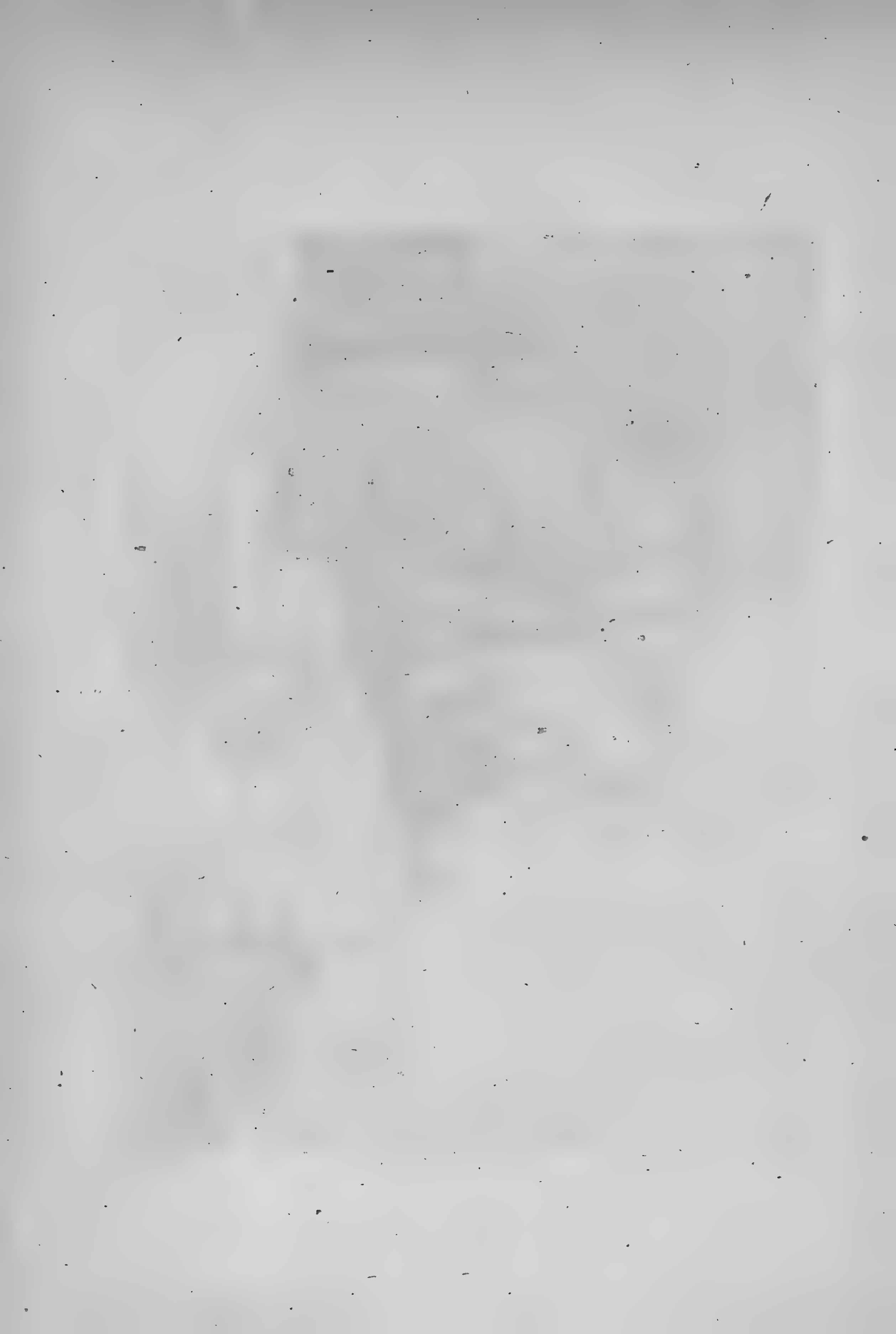
Выкуем в своих рядах закаленную и непобедимую армию ленинцев!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РКСМ.

Москва, 22-го января 1924 г.

В. И. Ленин.

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ СОЧИНЕНИЙ ЛЕНИНА

На каждой странице сочинений Ленина разбросано такое богатство мыслей, что дать в маленькой книжке избранные места из 20-ти томов представляет задачу необычайно трудную. Если мы за нее беремся, то только для того, чтобы побудить читателя самого неустанно припадать к этому неисчерпаемому источнику научной революционной мысли, к этому глубочайшему кладезю пролетарского революционного опыта, пролетарской борьбы за освобождение всех трудящихся.

Все извлечения разбиты на отдельные главы, которым мы дали свои заглавия. В кратких примечаниях, набранных мелким шрифтом, мы указываем, из какой именно статьи или речи взято данное место, когда и где эта речь или статья была произнесена или напечатана. По этим указаниям читатель легко найдет заинтересовавшую его статью в полном собрании сочинений Ленина.

ОБ „ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН“ ЦАРСКИМ МАНИФЕСТОМ

С первых же №№ первой заграничной газеты русских социал-демократов (тогдашних коммунистов) Ленин начинает обсуждать вопрос о крестьянстве. В № 3 «Искры», в апреле 1901 года, в статье «Рабочая партия и крестьянство» Ленин разоблачает лицемерие и лживость хвалебных речей в честь «великой реформы» так называемого «освобождения крестьян».

На самом деле, это было освобождение крестьян от земли, потому, что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены—посажены на четвертной или нищенский надел. Мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную им и всегда бывшую в их владении землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее цены...

Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки вынуждено было освободить их. Сам царь признался, что надо освобождать сверху, пока не стали освобождать снизу. Но, взявшись за освобождение, правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников...

«Освобожденный» от барщины крестьянин вышел из рук реформатора (преобразователя) таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» итти на барщину. И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина, «арендуя» у него свои же отрезные земли, подряжаясь зимой—за ссуду хлеба голодающей семье—на летнюю работу. Обработка и кабала—вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом.

А к этому помещичьему гнету... прибавился еще гнет капитала. Власть денег, придавившая даже, например, французского крестьянина, освобожденного от помещичьей власти не жалкой, половинчатой реформой, а могучей народной революцией, эта власть денег всей своей тяжестью обрушилась на нашего полукрепостного мужика. Доставать деньги нужно было во что бы то ни стало: и на уплату податей, увеличенных благодетельной реформой, и на наем земли, и на покупку тех нищенских продуктов фабричной промышленности, которые стали вытеснять домашние продукты крестьянина, и на покупку хлеба, и проч. Власть денег не только придавила, но и расколола крестьянство: громадная масса неуклонно разорялась и превращалась в пролетариев, меньшинство выделяло кучки немногочисленных, но цепких кулаков и хозяйственных мужиков, прибиравших к рукам крестьянское хозяйство и крестьянские земли, составляющих кадры нарождающейся сельской буржуазии. Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс этого раскрестьянивания, процесс медленного, мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать, даже откупаясь от надела, платя тому, кто соглашался взять надел, платежи с которого превышали его доходность. Крестьяне голодали хронически,

и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожаев, которые возвращались все чаще и чаще.

Так стоит дело в нашей деревне и сейчас. Спрашивается, в чем искать выхода и какими средствами добиваться улучшения участи крестьянина? От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй, за превращение земли, как и других средств производства (фабрик, заводов, машин и проч.), в общественную собственность...

ПРОЛЕТАРИАТ И КРЕСТЬЯНСТВО

В ноябре 1905 г., вскоре после об'явления царским манифестом обманной свободы, Ленин печатает в газете «Новая Жизнь» статью по поводу крестьянского с'езда в Москве под заглавием: «Пролетариат и крестьянство». В этой статье говорится:

Теперь наступил момент, когда крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни. И от роста сознательности крестьянства зависит в громадной степени ход и исход великой русской революции.

Чего хочет крестьянство от революции? Что может дать революция крестьянству? Вот два вопроса, разрешить которые обязан всякий политический деятель и в особенности всякий сознательный рабочий, являющийся политическим деятелем в лучшем, не опошленной буржуазным политиканством смысле этого слова.

Крестьянство хочет земли и воли. Об этом не может быть двух мнений. Все сознательные рабочие поддерживают всеми силами революционное крестьянство. Все сознательные рабочие хотят того и добиваются того, чтобы крестьянство получило всю землю и всю волю. «Всю землю» — это значит, не удовлетворяться

никакими частичными уступками и подачками, это значит, рассчитывать не на соглашение крестьян с помещиками, а на уничтожение помещичьей поземельной собственности. И партия сознательного пролетариата, социал-демократия, самым решительным образом высказалась в этом смысле: на своем 3-м с'езде, состоявшемся в мае настоящего года, Российская социал-демократическая рабочая партия приняла резолюцию, в которой говорится прямо о поддержке крестьянских революционных требований вплоть до конфискации всех частновладельческих земель. Эта резолюция ясно показывает, что партия сознательных рабочих поддерживает крестьянское требование всей земли...

«Всю волю» — это значит, выборность чиновников и должностных лиц, которые управляют общественными и государственными делами. «Всю волю» — это значит, полное уничтожение такой государственной власти, которая не зависела целиком и исключительно от народа, которая не была бы выбрана народом, не была бы подотчетна народу, не была бы сменяема народом. «Всю волю»—это значит, что не народ должен подчиняться чиновникам, а чиновники должны подчиняться народу...

Поддержка этих требований обеспечена крестьянству со стороны пролетариата. Крестьяне должны знать, что красное знамя, которое поднято в городах, есть знамя борьбы за ближайшие и насущные требования не только промышленных и сельских рабочих, но и за требования миллионов и десятков миллионов мелких земледельцев...

Но красное знамя означает не только поддержку пролетариатом крестьянских требований. Оно означает еще самостоятельные требования пролетариата. Оно означает борьбу не только за землю и волю, но и борьбу против всякой эксплоатации человека человеком, борьбу против нищеты народных масс, борьбу против господства капитала. И вот тут перед нами встает второй вопрос: что может дать рево-

люция крестьянству? Многие искренние друзья крестьян (в том числе, например, социалисты-революционеры) не считаются с этим вопросом, не замечают его важности. Они думают, что достаточно поставить и разрешить вопрос, чего желают крестьяне, достаточно получить ответ: землю и волю. *Это большая ошибка. Полная воля, полная выборность всех чиновников, вплоть до главы государства, не устранят господства капитала, не уничтожат богатства немногих и нищеты масс. Полное уничтожение частной собственности на землю тоже не уничтожит ни господства капитала, ни нищеты масс.* И на земле, принадлежащей всему народу, хозяйство будет вести самостоятельно только тот, кто владеет капиталом, только тот, у кого есть орудия, скот, машины, запасы семян, денежные средства вообще и т. д. А тот, у кого ничего нет, кроме рабочих рук, неизменно останется рабом капитала, даже при демократической республике, даже при принадлежности земли всему народу. *Мысль о «социализации» земли без социализации капитала, мысль о возможности уравнительного землепользования при существовании капитала и товарного хозяйства есть заблуждение.* Социализм почти во всех странах Европы переживал такие времена, когда это или подобное ему заблуждение разделялось большинством. Опыт борьбы рабочего класса во всех странах показал на деле всю опасность такой ошибки, и от нее вполне освободились теперь пролетарии-социалисты Европы и Америки.

Таким образом, красное знамя сознательных рабочих означает, во-первых, то, что мы поддерживаем всеми силами крестьянскую борьбу за всю волю и всю землю; во-вторых, оно означает то, что мы не останавливаемся на этом, а идем дальше. Мы ведем, кроме борьбы за волю и за землю, борьбу за социализм. *Борьба за социализм есть борьба против господства капитала.* Ведут эту

борьбу, прежде всего, наемные рабочие, которые прямо и целиком зависят от капитала. Мелкие же хозяева сами отчасти владеют капиталом, сами нередко эксплоатируют рабочих. Поэтому из мелких крестьян не все становятся в ряды борцов за социализм, а только те, кто решительно и сознательно переходит на сторону рабочих против капитала, на сторону общей собственности против частной собственности.

Вот почему социал-демократы говорят, что они борются вместе со всем крестьянством против помещиков и чиновников, а кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитала. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. **Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба**

Пошлем же горячий привет крестьянскому союзу, принявшему решение бороться дружно и стойко, беззаветно и без колебаний за полную волю и за всю землю. Эти крестьяне—настоящие демократы. Их ошибки в понимании задач демократизма и социализма мы должны раз'яснить терпеливо, выдержанно, как союзникам, с которыми нас соединяет общая великая борьба. Эти крестьяне—действительные революционные демократы, с которыми мы должны итти и пойдем вместе на борьбу за полную победу теперешней революции. К плану общей забастовки, к решению подняться в следующий раз дружно, сообща и городским рабочим, и всей крестьянской бедноте,—к этому плану и решению мы относимся с величайшим и полным сочувствием. Все сознательные рабочие приложат все усилия, чтобы помочь осуществиться этому плану. Но никакой союз, даже с самыми честными революционными демократами, не заставит пролетариев забыть об их еще более великой и важной цели, о борьбе за социализм, за полное уничтожение господства капитала, за освобождение всех трудящихся от всякой эксплоатации. Вперед, рабочие и крестьяне, на общую борьбу за землю и волю. Вперед, пролетарии, об'единенные международной социал-демократией, на борьбу за социализм,

РЕЧЬ К СОЛДАТАМ

10-го апреля 1917 года, всего через несколько дней после возвращения в Россию из заграницы, Ленин выступил со следующей речью в Петербурге на митинге в Измайловском полку.

Товарищи солдаты! Вопрос о государственном устройстве стоит теперь на очереди. Капиталисты, в руках которых сейчас государственная власть, хотят парламентарной буржуазной республики, т. е. такого государственного порядка, когда царя нет, но господство остается у капиталистов, управляющих страной посредством старых учреждений, именно: полиции, чиновников, постоянной армии.

Мы хотим иной, более соответствующей интересам народа, более демократической республики. Революционные рабочие и солдаты Питера свергли царизм и дочиста очистили столицу от полиции. Рабочие всего мира с восторгом и надеждою смотрят на революционных рабочих и солдат России, как на передовой отряд всемирной освободительной армии рабочего класса. Начав революцию, надо укреплять и продолжать ее. Не дадим же восстановить полицию! Вся власть в государстве, снизу до верху, от самой захолустной деревушки до каждого квартала в Питере, должна принадлежать Советам Рабочих, Солдатских, Батрацких, Крестьянских и т. д. Депутатов. Центральной государственной властью должно быть об'единяющее эти местные Советы Учредительное собрание или Народное собрание или Совет Советов,—дело не в названии.

Не полиция, не чиновники, безответственные перед народом, стоящие над народом, не постоянная армия, отрезанная от народа, а сам вооруженный поголовно народ, об'единенный Советами, вот кто должен управлять государством. Вот кто установит необходимый порядок, вот

какую власть будут не только слушаться, но и уважать рабочие и крестьяне.

Только такая власть, только сами Советы Солдатских и Крестьянских Депутатов могут, не в интересах помещиков и не по-чиновнически, решить великий вопрос о земле. Земля не должна принадлежать помещикам. Землю крестьянские комитеты должны тотчас отобрать у помещиков, строго охраняя при этом от порчи всяческое имущество и заботясь об увеличении производства хлеба, чтобы солдаты на фронте были лучше обеспечены. Вся земля должна принадлежать всему народу, а распоряжаться ею должны местные Советы Крестьянских Депутатов. Чтобы богатые крестьяне—те же капиталисты—не могли обидеть и обмануть батраков и беднейших крестьян, необходимо или совещаться, сплачиваться, об'единяться самим, отдельно, или устраивать свои собственные Советы Батрацких Депутатов.

Не дайте восстановить полицию, не отдавайте ни государственной власти, ни управления государством в руки невыборных, несменяемых, по буржуазному оплачиваемых чиновников, об'единяйтесь, сплачивайтесь, организуйтесь сами, никому не доверяя, полагаясь только на свой ум, на свой опыт,—и тогда Россия сможет твердыми, мерными, верными шагами пойти к освобждению и нашей страны, и всего человечества как от ужасов войн, так и от гнета капитала.

Наше правительство, правительство капиталистов, продолжает войну из-за интересов капиталистов. Как немецкие капиталисты с своим коронованным разбойником, Вильгельмом, во главе, так и капиталисты всех других стран ведут войну из-за дележа прибыли капиталистов, из-за господства над миром. Сотни миллионов людей, почти все страны земли втянуты в эту преступную войну, сотни миллиардов капитала вложены в «доходные» предприятия, несущие народам смерть, голод, разорение, одичание, а капиталистам—бешеные, скандально-высокие прибыли. Чтобы вырваться из этой ужасной войны и заключить действительно демократический, не насильнический мир, есть только один путь: переход

всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Тогда рабочие и беднейшие крестьяне, не заинтересованные в охране прибыли капитала, в грабеже слабых народов, смогут действительно осуществить то, что только сулят капиталисты, именно, покончить войну прочным миром, обеспечивающим свободу всем без исключения народам.

Солдаты встретили оратора восторженно и после речи вынесли его на руках.

КАК БЫТЬ, ЧТОБЫ ЗЕМЛЯ ДОСТАЛАСЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТРУДЯЩИМСЯ?

В мае 1917 года собирается Первый Всероссийский С'езд Крестьянских Депутатов. Этот с'езд происходил целиком под влиянием так называемых «социалистов-революционеров (эс-эров). Ленин по болезни не мог присутствовать на с'езде и потому обратился к депутатам с открытым письмом. Здесь он сначала раз'ясняет разногласия большевиков с эс-эрами и меньшевиками насчет того, как в революции добиться осуществления крестьянских требований.

Эти глубокие разногласия касаются трех самых важных вопросов: о земле, о войне и об устройстве государства.

Вся земля должна принадлежать народу. Все помещичьи земли должны без выкупа отойти к крестьянам. Это ясно. Спор идет о том, следует ли крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, или не следует.

Наша партия думает, что следует, и советует крестьянам на местах тотчас брать всю землю, делая это как можно более организованно, никоим образом не допуская порчи имущества и прилагая все усилия,

чтобы *производство хлеба и мяса увеличилось*. Ибо солдаты на фронте бедствуют ужасно...

Второй вопрос—о войне. Война эта—захватная Ее ведут капиталисты всех стран из-за своих захватных целей, из-за увеличения своих прибылей... По нашему убеждению, народники и меньшевики делают глубокую и роковую ошибку, входя в правительство капиталистов и соглашаясь вообще поддерживать его. Такие люди, как Церетелли (меньшевистский министр) и Чернов (эс-эровский министр), надеются побудить капиталистов скорее и честнее окончить эту захватную войну. Но эти вожди партии народников и меньшевиков ошибаются,—на деле они помогают капиталистам готовить наступление русских войск против Германии, то-есть затягивать войну, увеличивать неслыханно тяжелые жертвы, принесенные русским народом войне...

Кровь рабочих и крестьян не должна литься из-за достижения таких грабительских целей капиталистов.

Надо скорее кончать эту преступную войну—и *не* сепаратным (отдельным) миром с Германией, а *всеобщим миром*, и не миром капиталистов, а миром трудящихся масс *против* капиталистов. Путь к этому один: *переход всей государственной власти целиком в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и в России, и в других странах*. Только такие Советы в состоянии на деле помешать обману народов капиталистами, помешать затягиванию войны со стороны капиталистов.

И здесь я подошел к третьему и последнему из намеченных мною вопросов: к вопросу об устройстве государства... Мы хотим такой республики, чтобы власть в государстве, снизу доверху, принадлежала всецело и исключительно Советам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и прочих Депутатов.

Рабочие и крестьяне — большинство населения. Власть должна быть у них, а не у помещиков, не у капиталистов.

Рабочие и крестьяне — большинство населения. Власть

и управление должны быть у их Советов, а не у чиновников.

Вот наши взгляды, товарищи крестьянские депутаты!

Затем Ленин опровергает обвинения большевиков в «анархизме» и в «самоуправстве»:

Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти. А мы говорим, что она безусловно необходима и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть. Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большинства Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Вот чем мы отличаемся от других партий. Мы никоим образом не отрицаем необходимости твердой государственной власти; мы только говорим, что вся помещичья земля должна перейти бесплатно в руки крестьян, по решению местного крестьянского комитета, принятому большинством, под условием, чтобы никакой порчи имущества не было. Это указано в нашей резолюции самым точным образом. Мы решительно отвергаем возражения против нашего взгляда, будто это самоуправство.

Нет, по нашему мнению, если помещики задерживают в свою пользу земли или берут плату за них, вот это самоуправство, а если большинство крестьянства говорит, что помещичья земля не должна оставаться у помещика, что ничего от этих помещиков, землевладельцев, кроме угнетения в течение многих десятков лет, в течение веков, крестьянство не видало, это не есть самоуправ тво, это есть восстановление прав, и с восстановлением права нельзя ждать...

Шингарев (кадетский министр) говорит — «добровольное соглашение крестьян с помещиками» Что это значит?.. Если взять самых богатых помещиков всей Европейской России, то окажется, что у крупнейших, числом поменьше 30.000

человек, находится земли около 70 миллионов десятин. Это значит: больше, чем 2.000 десятин на каждого... А если взять беднейшее крестьянство..., мы получим 10 миллионов дворов, и у них 70—75 миллионов земли. Это значит: у одного—свыше 2 тысяч десятин, а у другого—7 с половиной десятин на двор. И говорят, будет самоуправство, если они не пойдут на добровольное соглашение! Что же это значит «добровольное соглашение»? Это значит, что помещики, может быть, уступят землю за арендную плату, но не отдадут никому бесплатно. Справедливо ли это? Нет, не справедливо. Выгодно ли это для крестьянского населения? Нет, не выгодно. Каким образом окончательная земельная собственность будет установлена, это—дело будущей центральной власти, но сейчас немедленно помещичья земля, без выкупа, должна перейти в руки крестьянства, под условием организованного захвата...

Тут есть основное противоречие в понимании того, что порядок и закон—это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон есть то, что есть порядок и закон; у нас до сих пор смотрели так что удобно большинству крестьянства... Самоуправством мы называем то, что один помещик, на основании старых вековых прав, требует «добровольного» соглашения с тремя стами крестьянских семей, которые имеют каждая на круг 7 с половиной десятин. Мы говорим—пусть решения принимаются по большинству, мы хотим, чтобы сейчас, не теряя ни одного месяца, ни одной недели, ни одного дня, крестьяне получили помещичьи земли.

Наконец, Ленин переходит к вопросу о том, как быть, чтобы земля досталась действительно трудящимся. Эта часть письма полна животрепещущего интереса и для настоящего времени. Мы горячо рекомендуем крестьянскому читателю с особым вниманием читать, перечитывать и передумывать нижеследующие мысли Ленина:

Собственность на землю должна быть общенародной, а установить ее должна общегосударственная власть... Само

собой разумеется, распоряжение на местах всегда останется у крестьянства. Но... мы спрашиваем себя: если говорить, что земля перейдет к народу, то же ли это самое, что сказать, что земля перейдет к трудящимся? И мы даем ответ: нет, это не то же самое. Если сказать, что земля перейдет к народу, это значит, что собственность помещичья будет уничтожена, это значит, что вся земля принадлежит всему народу, это значит, всякий, кто берет землю, берет ее, как аренду, у всего народа. Если этот порядок установится, это значит, никакого различия по землевладению не останется, вся земля одинакова. Как крестьяне часто говорят,—всякие старые разгородки, перегородки земли падут, земля разгородится,—будет вольная земля и вольный труд.

Значит ли это, что земля передается всем трудящимся? Нет, не значит. Вольный труд на вольной земле—это значит, что все старые формы землевладения сведены на нет, никакого иного землевладения, кроме общегосударственного, нет, и каждый берет землю в аренду у государства. Есть государственная общая власть, власть всех рабочих и крестьян, у этой власти берет один крестьянин, как арендатор: между государством и крестьянином никаких посредников нет, всякий берет на равных началах, — это есть вольный труд на вольной земле. Значит ли это, что земля передается всем трудящимся?

Нет, не значит. Землю есть нельзя, а чтобы хозяйничать, нужно иметь орудия, скот, приспособления, деньги; без денег, без орудий хозяйничать нельзя. Поэтому, когда мы установим, когда вы установите такой порядок, что будет вольный труд на вольной земле, никакого помещичьего землевладения, никаких разрядов на земле не будет, а будет только общенародная собственность и свободные арендаторы земли у всего государства, когда вы установите это,—это не есть переход земли ко всем

трудящимся, это означает только то, что каждый хозяин будет распоряжаться землей свободно. Кто захочет, тот возьмет свободно общегосударственную землю, это будет большой шаг вперед по сравнению с царской, помещичьей Россией... Но это не есть переход земли к трудящимся, это есть переход земли к хозяину, потому что, если земля общегосударственная и будут ее брать те, кто хочет на ней хозяйничать,—этого мало, мало одного хотения хозяйничать, нужно и уменье, но и уменья мало. У всякого батрака уменье есть, у него не хватает скота, орудий, капитала, и поэтому сколько бы вы ни постановляли, сколько бы ни говорили, этим мы не установим вольный труд на вольной земле. Если бы мы даже надписи повесили в каждом волостном правлении о вольной земле, дело бы от этого не улучшилось в сторону трудящихся, как в западно-европейских республиках, где в тюрьмах написано: «свобода, равенство и братство», тюрьмы от этого не перестают быть тюрьмами. Если на фабрике написаны слова: «свобода, равенство и братство», как в Америке, от этого фабрика не перестанет быть каторгой для рабочих и раем для капиталистов..

Вот почему я отношусь с большим недоверием к вопросу о так называемых двух мерках или двух нормах—норме трудовой и продовольственной. Я знаю, что об этих нормах в партиях народнических всегда встречаются рассуждения и пояснения, я знаю, что эти партии стоят на точке зрения необходимости установления этих двух норм, этих двух мерок: нормы трудовой, количества земли, больше которого семья обрабатывать не может, и нормы продовольственной—количества земли, меньше которого означало бы уже голод. Я говорю, что к этому вопросу о нормах или мерках я отношусь с большим недоверием, и думаю, что это план чиновничий, от которого пользы не будет, который в жизнь войти не сможет, хотя бы вы здесь и постановили этот план. В этом вся суть. План этот не может дать сколько-нибудь заметного облегчения в положении наемных рабочих и бед-

нейших крестьян, план этот, если вы даже его признаете, останется на бумаге до тех пор, пока господствует капитализм. План этот не помогает нам найти верную дорогу для перехода из капитализма в социализм.

Когда говорят об этих двух мерках, об этих двух нормах, представляют себе дело так, как будто существует только земля и граждане, как будто бы ничего больше не было на свете. Если бы это было так, то этот план был бы хорош. Но дело обстоит не так: существует власть капитала, власть денег, без денег на самой вольной земле, при каких угодно «мерках» хозяйство быть не может, потому что, пока деньги остались, остается наемный труд. А это значит, что богатые крестьяне, а их тут на Руси не меньше одного миллиона семей, угнетают, эксплоатируют наемных рабочих и будут угнетать их и на «вольной» земле. Эти богатые крестьяне—постоянно, не в виде исключения, а по общему правилу—прибегают к найму рабочих: годовых, сроковых, поденных, то-есть к эксплоатации беднейших крестьян, пролетариев. А рядом с этим имеются миллионы и миллионы крестьян безлошадных, которые не могут существовать, не продавая своей рабочей силы, не идя на отхожий промысел, и т. д. До тех пор, пока власть денег осталась, какие бы вы «нормы» ни устанавливали, они останутся в лучшем случае непригодными для жизни потому, что они не считаются с тем главным фактором, что собственность на орудия, на скот, на деньги распределена неравномерно,—не считаются с тем, что существует наемный труд, который подвергается эксплоатации. Это—основной факт теперешней жизни России, его нельзя обойти, и если мы установим какие-либо «мерки», жизнь их обойдет, и «мерки» останутся на бумаге. И вот почему для того, чтобы интересы неимущих и беднейших отстоять в этом величайшем преобразовании

России, которое вы теперь производите и которое, несомненно, произведете, когда частная собственность на землю будет уничтожена, когда сделан будет шаг вперед к приближению лучшего будущего социалистического.. — нужно искать другого пути.

Я и мои товарищи по партии, от имени которой я имею честь говорить, мы знаем только два таких пути отстаивания интересов сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян, мы эти два пути вниманию Крестьянского Совета и рекомендуем.

Первый путь — это организация сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян. Мы хотим и советуем, чтобы в каждом крестьянском комитете, в каждой волости, уезде, губернии, образовалась отдельная фракция или отдельная группа сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян, таких, которые должны себе сказать: если завтра земля станет общенародной,—а она станет такой безусловно, потому что этого хочет народ,— как нам быть? Мы, не имеющие скота, орудий, откуда мы их получим? Как нам хозяйничать? Как мы должны отстаивать свои интересы? Как нам позаботиться о том, чтобы земля, которая будет общенародной, которая действительно будет общенародной, чтобы она не попала в руки только хозяев? Если она попадает в руки тех, у которых будет достаточно скота и орудий, много ли мы выиграем? Для того ли мы совершили этот великий переворот? Это ли нам нужно было? Это будет земля у «народа» но этого недостаточно для защиты интересов сельско-хозяйственных наемных рабочих. Основной путь не в том состоит, что отсюда сверху или крестьянский комитет установит «мерку» для владения землей в одиночку. Эти меры не помогут, пока господствует капитал, и не выведут эти меры из господства капитализма. Для того, чтобы выйти из-под ига капитализма, для того, чтобы общенародная земля перешла в руки трудящихся—есть один основной путь: это путь

организации сельско-хозяйственных наемных рабочих, которые будут руководствоваться своим опытом, своими наблюдениями, своим недоверием к тому, что говорят им мироеды, хотя они выступают с красными бантиками и называют себя «революционной демократией».

Только самостоятельная организация на местах, только ученье собственным опытом научит беднейших крестьян. А опыт этот будет нелегким, мы не можем обещать и не обещаем, что потекут молочные реки и будут кисельные берега; нет, помещики будут свергнуты потому, что народ этого хочет, но капитализм остается. Его свергнуть гораздо труднее, к свержению его ведет другой путь: это—путь самостоятельных, отдельных организаций сельско-хозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян—вот что наша партия выдвигает в первую голову. Только от этого пути можно ждать постепенного, не легкого, но верного перехода земли действительно в руки трудящихся.

Второй шаг, который наша партия рекомендует, состоит в том, чтобы из каждого крупного хозяйства, из каждой, например, помещичьей экономии, крупнейшей, которых в России 30.000, образованы были, по возможности скорее, образцовые хозяйства для общей обработки их совместно с сельско-хозяйственными рабочими и учеными агрономами, и т. д. Без этой общей обработки под руководством Советов сельско-хозяйственных рабочих не выйдет так, чтобы вся земля была у трудящихся. Конечно, общая обработка—вещь трудная, конечно, если бы кто-нибудь вообразил, что такую общую обработку можно сверху постановить и навязать,—это бы было сумашествием, потому что вековая привычка к отдельным хозяйствам сразу исчезнуть не может, потому что тут требуются деньги, требуются приспособления к новым устоям жизни.

Если мы советуем такую меру, советуем приступить к ней с осторожностью, говоря, что она становится необхо-

димой, то это мы выводим не только из нашей программы, из нашего социалистического учения, а также потому, что, будучи социалистами и наблюдая жизнь западно-европейских народов, мы к этому выводу пришли. Мы знаем, что там бывало много революций, которые создавали республики демократические, мы знаем, что в Америке в 1865 г. были побеждены рабовладельцы и затем сотни миллионов десятин были розданы крестьянам даром или почти даром, и тем не менее там господствует капитализм, как нигде и давит трудящиеся массы так же, если еще не сильнее, чем в других странах... Без общей обработки земли сельскохозяйственными рабочими с применением наилучших машин и под руководством научно-образованных агрономов, нет выхода из-под ига капитализма... Только этот путь даст действительный переход земли в руки трудящихся.

ГОТОВЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ!

На Первом Всероссийском С'езде Рабочих и Солдатских Депутатов, в июне 1917 года, Ленин в своей речи ставит со всей ясностью вопрос о Власти Советов по сравнению с буржуазной властью.

Нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики... и нам говорят вместе с тем о революционной демократии. Говорят перед кем? Перед Советами. А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая, республиканская, где бы существовало что-нибудь подобное этим Советам? Вы должны ответить, что нет. Нигде подобного учреждения не существует и существовать не может, потому что одно из двух: *или буржуазное правительство* с теми «планами» реформ, которые нам рисуют и которые десятки раз во всех странах предлагались и оставались на бумаге, *или то учреждение*, к которому сейчас апелируют (обращаются), *то нового типа «правительство»*, ко-

торое революцией создано, которое имеет примеры только в истории величайшего под'ема революций, например, в 1792 году во Франции, в 1871 году там же, в 1905 году в России. Советы, это—учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это—тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянско-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам Рабочих и Солдатских депутатов...

Продолжать существовать так, как они существуют теперь, Советы не могут. Взрослые люди, рабочие и крестьяне должны собираться, принимать резолюции и выслушивать доклады, которые никакой документальной проверке подвергнуты быть не могут! Такого рода учреждения (Советы)—это переход к той республике, которая создаст твердую власть, без полиции, без постоянной армии, не на словах, а на деле, ту власть, которая в Западной Европе существовать не может, ту власть, без которой не может быть победы русской революции в смысле победы над империализмом... Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов,—эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю—есть; ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком. *(Аплодисменты и смех).* Вы можете смеяться сколько угодно, но если

гражданин-министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ.

Это свое заявление Ленин полностью оправдал в октябре 1917 года, когда настал надлежащий момент. В остальной части речи он требует ареста крупных капиталистов, наживающих громадные барыши на войне, и обрушивается против готовившегося тогда нового наступления на империалистическом фронте.

КАПИТАЛИСТЫ — ВРАГИ КРЕСТЬЯН, А БЕЗ РАБОЧИХ ПОБЕДИТЬ КАПИТАЛИСТОВ НЕЛЬЗЯ

В августе 1917 года в газете «Рабочий» Ленин пишет статью «Крестьяне и рабочие». В этой статье он разбирает сводку крестьянских требований, составленную на основании 242 наказов, которые были представлены с мест на Первый Всероссийский С'езд Крестьянских Депутатов. Статья с замечательной ясностью показывает, что одной победы над помещиками мало, что для осуществления крестьянских требований необходимо еще победить капиталистов. А победить капиталистов может только рабочий класс, с которым крестьянство и должно итти вместе.

Земельные требования крестьянства, по сводке наказов, состоят прежде всего в безвозмездной отмене частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских; в передаче государству или общинам земельных участков с высоко-культурными хозяйствами; в конфискации всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель (исключаются малоземельные крестьяне), с передачей его государству или общинам; в недопущении наемного труда; в уравнительном распределении земли между трудящимися, с периодическими переделами, и т. д...

Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть

полную невозможность осуществления их в союзе с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства.

В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования, будто *подобные* преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов...

В самом деле, конфискация всей частновладельческой земли означает *конфискацию сотен миллионов капитала банков*, в которых эти земли большей частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов? При этом речь идет о наиболее *централизованном, банковом капитале*, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и *который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата.*

Далее. Передача государству высоко-культурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство действительно в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же капиталистов, должно быть пролетарским революционным государством?

Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря, это—не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это—шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* «в исключительное пользование государства или общины» означает необходимость крупного социалисти-

ческого контроля за об'единенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А «недопущение» наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно-наивное пожелание забитых мелких хозяйчиков, которые не видят, что вся капиталистическая промышленность станет при отсутствии резервной армии наемного труда в деревне, — что нельзя «не допустить» наемного труда в деревне, допуская его в городе,— что, наконец, «недопущение» наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму.....

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию—таково было основное, по тогдашнему времени, в 1905 году, определение нашей классовой политики. И это определение было верно, февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это.

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и **неотложными** шаги к социализму,—таково определение нашей классовой политики теперь...

Эс-эровская партия изменила вам, товарищи крестьяне! Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов,—если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции, и крестьянской революции особенно,— заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми (министры-социалисты).

Только революционный пролетариат, только об'единяющий его авангард, партия большевиков, может на деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242 наказах. Ибо революционный пролетариат, **действительно**, идет к отмене наемного труда единственным верным путем—свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не «недопущением» этого. Революционный пролетариат действительно идет

к конфискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий—к тому, что крестьяне хотят и чего эс-эры им дать не могут...

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне! Рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы можете начать осуществлять на деле программу 242 наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эс-эров вы никогда не дождетесь ни одного решительного безповоротного шага в духе этой программы.

ВСЯ ВЛАСТЬ—СОВЕТАМ!

В сентябре 1917 года Ленин печатает в газете «Рабочий Путь» статью под заглавием: «Один из коренных вопросов революции», в которой ставит ребром вопрос о власти. Это было вскоре после так называемой «корниловщины». Царский генерал Корнилов со своей «дикой дивизией», состоявшей из кавказских горцев, двинулся с фронта на Петербург, чтобы захватить власть. Питерские рабочие и революционные полки поднялись, как один человек, на защиту красной столицы. Корнилов не дошел до столицы, обманутые ими горцы стали разбегаться, он был разбит.

Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть—это решает все...

Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий все в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Что наша революция полгода «потратила зря» на колебания насчет устройства власти, это бесспорный факт, этот факт определен колеблющейся политикой эс-эров и меньшевиков...

Надо начать с немедленного создания устойчивой, не колеблющейся массы власти. Устойчивой во время народной революции, т. е. такой, которая подняла бы к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только

власть, опирающаяся заведомо и безусловно на **большинство** населения. До сих пор государственная власть остается в России **фактически** в руках **буржуазии**, которая вынуждена лишь делать частные уступки (с тем, чтобы на другой же день начать отбирать их назад), раздавать обещания (с тем, чтобы не выполнять их), изыскивать всяческие прикрытия свего господства (с тем, чтобы надуть народ внешностью «честной коалиции») и т. п., и т. д. На словах — народное, демократическое, революционное правительство, на деле—противонародное, антидемократическое, контр-революционное, буржуазное. Вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которою гг. эс-эры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались.

Либо разгон Советов и безславная смерть их, либо вся власть Советам!—это я сказал перед Всероссийским с'ездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью: Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа...

Эс-эры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить Советы, особенно Питерский и обще-русский, т. е. ЦИК, в пустые говорильни, под видом «контроля» занимавшиеся вынесением безсильных резолюций и пожеланий, которые правительство с самой вежливой и любезной улыбкой клало под сукно. Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете отлетело на время прочь, и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреоборимое.

Пусть учатся на этом историческом примере все маловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии аппарат». Ибо этот аппарат **есть**. Это и есть

Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс — и вы увидите во всех областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем об'единении и порыве против корниловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их самостоятельности, трепет перед их революционной энергией, вместо всесторонней, беззаветной поддержки ее,—вот чем грешили больше всего эс-эровские и меньшевистские вожди... И кто не хочет нарочно закрывать глаза, тот не может не видеть, что после корниловщины правительство Керенского все оставляет постарому, что оно наделе восстановляет корниловщину. Назначение Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым— все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстановляет корниловщину.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина.

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истино героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта. Власть Советам—это значит полная передача управления страной и контроля за

хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым никто не посмел бы сопротивляться и которые быстро научились бы на опыте, на своей собственной практике научились бы, правильно распределять землю, продукты и хлеб.

О ВОССТАНИИ

В первой половине сентября в Советах обеих столиц большевики получили большинство голосов. 14—22-го сентября правительство Керенского, чувствуя свою слабость, созвало в Петербурге так называемое «демократическое совещание» из представителей земств, городов, кооператоров, некоторых общественных организаций, армейских комитетов, губернских советов, Центральн. Испол. Комитета и профсоюзов. Советская делегация была на этом совещании в меньшинстве. Ленин, который в это время жил, по постановлению партии, в Финляндии, во избежание ареста, прислал в Центральный Комитет партии два письма и в них настаивал на необходимости поднять восстание для захвата власти.

Получив большинство в общих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого никто не свергнет.

Большинство народа за нас... Демократическое совещание не представляет большинства революционного народа, а лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи...

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ни мира, ни земли.

Большевистское правительство одно удовлетворит крестьянство.

Почему должны власть взять именно теперь большевики?

Потому, что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во 100 раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К-° во главе мы помешать не в силах...

Народ устал от колебаний меньшевиков и эс-эров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солдатами, с массами...

Вопрос в том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «восстание есть искусство» и т. д.

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического Совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы. История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Совет и демократические организации. Международное положение именно теперь, накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам—значит победить.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно.

Во втором письме Ленин развивает те же мысли, доказывает, что со времени поражения большевиков в июле 1917 года положение в корне изменилось в их пользу. Он разбивает обвинение большевиков в «бланкизме» (т. е. в тайных заговорах небольшой кучки по способу французского революционера Бланки) и дает конкретный план подготовки массового восстания.

К числу наиболее злостных и едва ли не самых распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как искусству, есть «бланкизм»...

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо завоевать первый его успех и от успеха итти к успеху, не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный под'ем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма.

Но раз есть на лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит, изменить марксизму и изменить революции...

Мы должны на совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они там полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов. Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства...

Прочтя эту декларацию, призвав решить, а не говорить, действовать, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель «Демократического Совещания».

Там должны мы в горячих страстных речах раз'яснять нашу программу и ставить вопрос так: либо полное принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку *), занять Петропавловку **), арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять

---

*) Театр, где заседало «демократическое совещание».
**) Крепость в центре Петербурга.

сразу телеграф и телефон, поместить **наш** штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ!

На другой день после Октябрьской революции, Ленин произнес на заседании Петербургского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов следующую речь:

Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет **советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии.**

Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Одной из очередных задач наших является немедленная ликвидация войны. Но для того, чтобы окончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал.

В этом деле нам поможет то всемирное рабочее движение, которое уже начинает развиваться в Италии, Англии и Германии.

Справедливый немедленный мир, предложенный нами международной демократии, повсюду найдет горячий отклик

в международных пролетарских массах. Для того, чтобы укрепить это доверие пролетариата, необходимо немедленно опубликовать все тайные договоры.

Внутри России громадная часть крестьянства сказала: довольно игры с капиталистами, мы пойдем с рабочими! Мы приобретаем доверие со стороны крестьян одним декретом, который уничтожит помещичью собственность. Крестьяне поймут, что только в союзе с рабочими—спасение крестьянства. Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством. Теперь мы научились работать дружно. Об этом свидетельствует только что происшедшая революция.

В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства.

Да здравствует всемирная социалистическая революция!

ЗЕМЛЯ—КРЕСТЬЯНАМ!

В тот же день на 2-м Всероссийском С'езде Советов Ленин выступил со следующей речью:

Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания второй, октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и эс-эров, которые под разными предлогами отягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы вол-

новаться? Но все меры правительства, одобряемые Авксентьевским и Дановским Советами *), шли против крестьян и вынудили их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле—вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, которые должно выпустить ваше советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов Крестьянских Депутатов...

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен эс-эрами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. Жизнь—лучший учитель; она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью несмененной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против кре-

---

*) «Авксентьевский совет»—Центральный Исполнительный Комитет Крестьянских Депутатов, который находился всецело под влиянием эс-эра Авксентьева. «Дановский совет»—Центральный Исполнительный Комитет Рабочих и Солдатских Депутатов, который находился под влиянием меньшевика Дана.

стьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей 8-месячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации (подробностей), потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эс-эровской программы,—не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

Написанный рукою Ленина и принятый 2-м Всероссийским С'ездом Рабочих и Солдатских Депутатов 26-го октября 1917 года в 2 часа ночи декрет о земле гласит:

1) Помещичья собственность на земле отменяется немедленно, без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, об'является тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до

какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий».

ЧТО ТАКОЕ ДИКТАТУРА?

Этот вопрос Ленин осветил в особой статье, написанной для иностранных товарищей 30-го октября 1920 года и напечатанной в журнале «Коммунистический Интернационал» № 14 под заглавием: «К истории вокроса о диктатуре».

Вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах... Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области...

Массовые стачки и вооруженные восстания сами собой ставили на очередь дня вопрос о революционной власти и о диктатуре, ибо эти приемы борьбы неминуемо порождали— сначала в местном масштабе—изгнание старых властей, захват власти пролетариатом и революционными классами, изгнание помещиков, иногда захват фабрик и т. д., и т. п.

Массовая революционная борьба указанного периода (1905 г.) вызвала к жизни такие невиданные раньше в мировой истории организации, как Советы Рабочих Депутатов, а вслед за ними Советы Солдатских Депутатов, крестьянские комитеты и тому подобное. Получился такой факт, что те основные вопросы (Советская власть и диктатура пролетариата), которые занимают теперь внимание сознательных рабочих во всем мире, оказались поставленными практически в конце 1905 года...

Без подготовки диктатуры нельзя быть революционером на деле. Этой истины не понимали в 1905 году меньшевики, не понимают в 1920 году итальянские, немецкие, французские и прочие социалисты, боящиеся «строгих условий» Коммунистического Интернационала; боятся люди, способные признать диктатуру на словах, но не способные подготовлять на деле...

Великие вопросы в жизни народов решаются только силой. Сами реакционные классы прибегают обыкновенно первые к насилию, к гражданской войне, «ставят в порядок дня штык», как сделало русское самодержавие и продолжало делать систематически и неуклонно везде и всюду, начиная с 9-го января. А раз такое положение создалось, раз штык действительно стал во главе политического порядка дня, раз восстание оказалось необходимым и неотложным, — тогда конституционные иллюзии и школьные упражнения в парламентаризме становятся только прикрытием буржуазного предательства революции. Действительно революционный класс должен тогда выдвинуть именно лозунг диктатуры...

Д и к т а т у р а о з н а ч а е т,—примите это раз на всегда к сведению, господа кадеты, — н е о г р а н и ч е н н у ю, о п и р а ю щ у ю с я н а с и л у, а н е н а з а к о н, в л а с т ь. Во время гражданской войны, всякая победившая власть может быть только диктатурой. Но дело в том, что бывает диктатура меньшинства над большинством, полицейской кучки над народом, и бывает д и к т а т у р а г и г а н т-

ского большинства народа над кучкой насильников, грабителей и узурпаторов (захватчиков) народной власти... «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17-го октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует, во-всю кричит до исступления: «То была славная политическая забастовка!» Когда побеждает контр-революция, «соглашатель» начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями. Победившая забастовка была «славная». Побежденные забастовки были преступные, дикие, бессмысленные, анархические. Побежденное восстание было безумием, разгулом стихии, варварством, нелепостью. Одним словом, политическая совесть и политический ум «соглашателя» состоят в том, чтобы пресмыкаться перед тем, кто сейчас сильнее, чтобы путаться в ногах у борющихся, мешать то одной, то другой стороне, притуплять борьбу и отуплять революционное сознание народа, ведущего отчаянную борьбу за свободу...

Вот наиболее существеннейшие из этих методов (диктатуры): 1. «Захват» народом политической свободы, осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений... 2. Создание новых органов революционной власти,— советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и проч., и т. п...

Описанные нами органы власти (в 1905 году) были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу в самом прямом смысле слова,—это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких

бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было...

На что же опиралась эта сила? *Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти.* Те были органами меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников... Старая власть, как диктатура меньшинства, могла держаться исключительно при помощи полицейских ухищрений, исключительно при помощи удаления, отстранения народной массы от участия во власти, от наблюдения за властью. Старая власть систематически не доверяла массе, боялась света, держалась обманом. Новая власть, как диктатура огромного большинства, могла держаться и держалась исключительно тем, что привлекла самым свободным, самым широким и самым сильным образом всю массу к участию во власти. Ничего скрытого, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты—рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты—наш товарищ. Выбирай своего депутата, сейчас же, немедленно, выбирай, как считаешь удобным,—мы охотно и радостно примем его в полноправные члены нашего Совета Рабочих Депутатов, крестьянского комитета, Совета Солдатских Депутатов и проч., и т. п. Это—власть, открытая для всех, делающая все на виду у масс, доступная массе, исходящая непосредственно от массы и ее воли. Такова была новая власть, или, вернее, ее зачатки, ибо победа старой власти затоптала побеги молодого растения очень рано...

Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников.

ОБ ОТНОШЕНИИ К СРЕДНЕМУ КРЕСТЬЯНСТВУ

На 8-м с'езде Коммунистической партии весной 1919 года когда сопротивление буржуазии было уже в известной мере подавлено и Советская власть значительно укрепилась, Ленин тотчас же поставил вопрос об отношении победившего рабочего класса к другому трудовому слою населения—к среднему крестьянству. Его речь на этом с'езде легла в основу политики соглашения пролетариата с трудовым крестьянством. Она служит и будет служить всегда руководством для Советской власти и Коммунистической партии в вопросе об отношениях пролетариата и крестьянства.

Можно сказать, что весь «Капитал» Маркса посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат. Буржуазия, как строитель этого капиталистического общества, как его руководитель; пролетариат, как его могильщик, как единственная сила, способная сменить ее. Едва ли найдется хоть одна глава в каком бы то ни было сочинении Маркса, которая не была бы посвящена этому... Только диктатура одного класса—пролетариата—может решить вопрос о борьбе с буржуазией за господство. Победить буржуазию может только диктатура пролетариата. Свергнуть буржуазию может только пролетариат. Вести за собой массы против буржуазии может только пролетариат...

Мы хорошо знаем, что буржуазия не оставила мысли о возвращении своей власти, не прекратила попыток к восстановлению своего господства... Вот почему девять десятых нашего внимания, нашей практической деятельности были и должны были быть посвящены этому основному вопросу—свержения буржуазии, утверждению власти пролетариата,

устранению всякой возможности возвращения буржуазии к власти. Это совершенно естественно, законно, неизбежно, и очень многое в этом отношении было с успехом сделано.

Теперь мы должны поставить на очередь вопрос о других слоях... Наше строительство в деревне вышло уже за те рамки, когда все подчинено было основному требованию борьбы за власть. Это строительство прошло две главные фазы. В октябре 1917 года мы брали власть вместе с крестьянством в целом. Это была революция буржуазная, поскольку классовая борьба в деревне еще не развернулась... Только летом 1918 года началась настоящая пролетарская революция в деревне. Если бы мы не сумели поднять революцию, работа наша была бы негодна. Первым этапом было взятие власти в городе, установление советской формы правления. Вторым этапом было то, что для всех социалистов является основным, без чего социалисты—не социалисты: выделение в деревне пролетарских и полупролетарских элементов, сплочение их с городским пролетариатом для борьбы против буржуазии в деревне.

Этот этап в основном также закончен. Те организации, которые мы первоначально для этого создали, комитеты бедноты, настолько упрочились, что мы нашли возможным заменить их правильно выбранными советами, т. е. реорганизовать сельские советы так, чтобы они стали органами классового господства, органами пролетарской власти в деревне... Главное, что является первой и основной задачей пролетарской революции, мы сделали. Именно потому, что мы это сделали,—на очередь стала задача более сложная: о т н о ш е н и е к с р е д н е м у к р е с т ь я н с т в у.

Товарищи, этот вопрос для марксистов не представляет трудности с точки зрения теоретической, которую усвоило громадное большинство рабочих... В течение громадного периода господства буржуазии, крестьянство поддерживало ее власть, было на стороне буржуазии. Это понятно, если принять во внимание экономическую силу буржуазии и политические средства ее господства. Мы не можем рассчитывать,

чтобы средний крестьянин стал немедленно на нашу сторону. Но если мы правильно будем вести политику, то через некоторое время эти колебания прекратятся, и крестьянин сможет встать на нашу сторону.

Еще Энгельс, который вместе с Марксом заложил основы научного марксизма,—т. е. учения, которым руководится наша партия постоянно и в особенности во время революции,—еще Энгельс устанавливал подразделение крестьянства на мелкое, среднее и крупное. И это деление для громадного большинства европейских стран и теперь соответствует действительности. Энгельс говорил: «может быть даже крупное крестьянство не везде придется подавлять насилием». А чтобы мы могли когда-нибудь применять насилие к среднему крестьянству (мелкое—наш друг)—об этом ни один разумный социалист никогда не думал...

Эта точка зрения нам показывает ту истину, которую иногда не забывают, но относительно которой в теории мы все согласны. По отношению к помещикам, к капиталистам наша задача—полная экспроприация (лишение собственности). Но никаких насилий по отношению к среднему крестьянству мы не допускаем. Даже по отношению к богатому крестьянству мы не говорим с такой решительностью, как по отношению буржуазии: абсолютная экспроприация богатого крестьянства и кулаков. В нашей программе это различие проведено. Мы говорим: подавление сопротивления богатого крестьянства, подавление его контр-революционных поползновений. Это не есть полная экспроприация...

Когда, свергнув буржуазию и укрепив свою власть, пролетариат взялся с разных сторон за дело создания нового общества, вопрос о среднем крестьянстве выдвинулся на первый план. Ни один социалист в мире не отрицал того, что создание коммунизма пойдет по разному в странах крупного и в странах мелкого земледелия. Это—самая элементарная, азбучная истина. Из этой истины вытекает, что по мере

того, как мы приближаемся к задачам коммунистического строительства, центральное внимание наше должно сосредоточиться в известной мере как раз на среднем крестьянстве...

Основное для рабочего класса, для рабочей партии было ясно: свергнуть власть буржуазии и дать власть рабочим. Но как это сделать? Все помнят, с какими трудностями, через сколько ошибок мы переходили от рабочего контроля к рабочему управлению промышленностью. А ведь это было работой внутри нашего класса, внутри пролетарской среды, с которой нам всегда приходилось иметь дело. А теперь нам приходится определять наше отношение к новому классу, тому классу, которого городской рабочий не знает.

Необходимо определить отношение к классу, который не имеет определенного устойчивого положения. Пролетариат в массе за социализм, буржуазия в массе против социализма: определить отношение между двумя этими классами легко. А когда мы переходим к такому слою, как среднее крестьянство, то оказывается, что это такой класс, который колеблется. Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он не эксплоатирует других представителей трудящихся. Ему десятилетия приходилось с величайшим трудом отстаивать свое положение, он испытал на себе эксплоатацию помещиков и капиталистов, он вынес все, и в то же время он собственник.

Поэтому наше отношение к этому колеблющемуся классу представляет громадные трудности... На практике происходят такие случаи, как рассказывал один товарищ в комиссии. Его обступили крестьяне и каждый спрашивал: «Определи, середняк я или нет? У меня две лошади и одна корова. У меня две коровы и одна лошадь» и т. д. И вот

этому агитатору, раз'езжающему по всем уздам, необходимо обладать таким безошибочным термометром, чтобы можно было поставить его крестьянину и сказать, середняк он или нет. Для этого надо знать всю историю хозяйства этого крестьянина, отношение его к низшим и высшим группам,—а знать этого с точностью мы не можем...

Тут надо много практического умения, знания местных условий. Этого у нас еще нет. Сознаться в этом вовсе не совестно: мы должны открыто это признать. Мы никогда не были утопистами (мечтателями) и не воображали, что коммунистическое общество мы будем строить чистенькими руками чистеньких коммунистов, которые должны рождаться и воспитываться в чисто коммунистическом обществе. Это—детские побасенки.

Сроить коммунизм мы должны из обломков капитализма, и только тот класс, котрый закален в борьбе против капитализма, может это сделать. Пролетариат,—вы превосходно это знаете,—не лишен недостатков и слабостей капиталистического общества. Он борется за социализм и вместе с тем борется против своих собственных недостатков. Лучшая передовая часть пролетариата, которая в городах десятилетиями вела отчаянную борьбу, могла перенимать в этой борьбе всю культуру городской столичной жизни и в известной степени ее восприняла. Вы знаете, что деревня была осуждена даже в передовых странах на темноту. Конечно, культурность деревни будет нами повышена, но это дело годов и годов...

Мы не должны забывать того, какой гигантский вред приносит всякая неумеренность, всякая скоропалительность и торопливость.

Нам нужно было спешить, во что бы то ни стало, путем отчаянного прыжка выйти из империалистической войны, которая нас довела до краха, нужно было употребить самые отчаянные усилия, чтобы раздавить буржуазию и те силы, которые грозили раздавить нас. Все это было необходимо, без этого мы не могли бы победить. Но если подобным обра-

зом действовать по отношению к среднему крестьянству,— это будет таким идиотизмом, таким тупоумием и такой гибелью дела, что сознательно так работать могут только провокаторы.

Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Тут речь идет не о том, чтобы сломить сопротивление заведомых эксплоататоров, победить их и низвергнуть,— задача, которую мы ставили раньше. Нет, по мере того, как мы эту главную задачу решили, на очередь становятся задачи более сложные. Тут насилием ничего не создашь. Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это—слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где он нигде не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом,—никто, ни один из самых революционных социалистов, никогда не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству.

Когда мы брали власть, мы опирались на все крестьянство целиком. Тогда у всех крестьян была одна задача— борьба с помещиками. Но до сих пор у них осталось предубеждение против крупного хозяйства. Крестьянин думает: «если крупное хозяйство, значит я опять батрак». Конечно, это ошибочно. Но у крестьянина с представлением о крупном хозяйстве связана ненависть, воспоминание о том, как угнетали народ помещики. Это чувство остается, оно еще не умерло.

Больше всего мы должны основываться на той истине, что здесь методами насилия по самой сути дела ничего нельзя достигнуть. Здесь экономическая задача стоит совсем иначе. Здесь нет той верхушки, которую можно срезать, оставив весь фундамент, все здание. Той верхушки, которою

в городе были капиталисты, здесь нет. Действовать здесь насилием, значит погубить все дело. Здесь нужна работа длительного воспитания. Крестьянину, который не только у нас, а во всем мире является практиком и реалистом, мы должны дать конкретные примеры в доказательство того, что «коммуния» лучше всего. Конечно, не выйдет никакого толку, если в деревне будут появляться скоропалительные люди, которые порхнули туда из города, приехали, покалякали, учинили несколько интеллигентских, а то и неинтеллигентских склок и, расплевавшись, раз'ехались. Это бывает. Вместо уважения, они вызывают насмешку и совершенно законно.

По этому вопросу мы должны сказать, что коммуны мы поощряем, но они должны быть поставлены так, чтобы завоевать доверие крестьянина. А до тех пор мы—учащиеся у крестьян, а не учителя их. Нет ничего глупее, когда люди, не знающие сельского хозяйства и его особенностей, люди, которые бросились в деревню только потому, что они услышали о пользе общественного хозяйства, устали от городской жизни и желают в деревне работать,—когда такие люди считают себя во всем учителями крестьянства. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина.

Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина, а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили. *(Аплодисменты всего с'езда)...*

Раз сказано, что необходимо добиваться добровольного согласия, значит, нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что

не дадут. Плохо было бы, если бы они давали себя убеждать одним прочтением декретов и агитационными листками. Если бы так можно было переделать экономическую жизнь, вся это переделка не стоила бы ломанного гроша. Нужно сначала доказать, что такое об'единение лучше, об'единить людей так, чтобы они действительно об'единились, а не расплевались,—доказать, что это выгодно. Так ставит вопрос крестьянин и так ставят вопрос наши декреты. Если мы до сих пор этого добиться не умели, в этом ничего постыдного нет, мы должны это открыто признать...

Мы последовательнейшим образом развиваем наши задачи. Нам необходимо от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны с ними жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100.000 первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это—фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию» (т. е. за коммунизм). Но для того, чтобы это сделать надо сначала победить международную буржуазию, надо заставить ее дать нам эти тракторы, или же надо поднять нашу производительность настолько, чтобы мы сами могли их доставить. Только так будет верно поставлен вопрос.

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет нам благодарен за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплоататоры, не помещики, а такие же товарищи-тружен-

ники, которых он ценит чрезвычайно глубоко. Но ценит практически, ценит только их физическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая—командование, «предписания» сверху.

Сначала помогите, потом добивайтесь доверия! Если правильно будет вестись это дело, если правильно будет поставлен каждый шаг каждой нашей группы в уезде, в волости, в продовольственном отряде, в любой организации, если каждый шаг будет внимательно проверен с этой точки зрения,— мы завоюем доверие крестьянина и лишь тогда мы сможем итти дальше. Теперь мы должны дать ему помощь, дать совет. Это не будет приказ командира, а совет товарища. Крестьянин будет тогда вполне за нас...

Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять,—этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие,—этому мы еще не научились. Это надо сказать открыто, но задачу мы поняли, мы ее поставили и мы говорим себе со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

На 10-м с'езде Коммунистической партии весной 1921 года, тотчас после окончания гражданской войны, Ленин настоял на необходимости изменить экономическую политику, немедленно дать облегчения крестьянству, сделать ему уступки, предоставить свободу оборота для мелкого крестьянского хозяйства. Без такого соглашения рабочего класса с крестьянством невозможно существование Советской власти.

Социалистическая революция в стране, где громадное большинство населения принадлежит к мелким земледель-

цам-производителям, возможна лишь путем целого ряда особых переходных мер, которые были бы совершенно ненужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и в земледелии составляют громадное большинство... Социальная революция в такой стране (как Россия) может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при условии поддержки ее своевременно социальной революцией в одной или нескольких передовых странах... Другое условие это—соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение это понятие широкое, которое заключает в себе целый ряд мер и переходов. Здесь надо сказать, что мы должны ставить дело во всей нашей пропаганде и агитации на чистоту. Люди, которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение. Классов обмануть нельзя... Нам надо... ставить вопросы прямиком: интересы классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не поступила революция в других странах. И так прямиком, во всех собраниях, во всей прессе надо говорить. Мы не должны стараться прятать что либо, а должны говорить прямиком, что крестьянство формой отношений, которая у нас установилась (продразверстка и проч.) недовольно... Мы должны с этим считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте пересматривать!

Мы должны сказать: хотите вы назад итти, хотите вы реставрировать (восстановить) частную собственность и свободную торговлю целиком? Тогда это значит скатываться под власть помещиков и капита-

листов неминуемо и неизбежно. Целый ряд исторических примеров революций это свидетельствует... Давайте же разбирать. Расчет ли крестьянину расходиться с пролетариатом так, чтобы откатиться назад и позволить откатываться до власти капиталистов и помещиков, или не расчет? Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе.

И мы думаем, что, если рассчитывать правильно, то, при всей сознаваемой глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого земледельца, расчет будет в нашу пользу...

Можем ли мы удовлетворить это среднее крестьянство, как таковое, с его экономическими особенностями, с его экономическими корнями? Если бы кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он конечно был фантазер (мечтатель)... Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело требующее поколений. Решить этот вопрос по отношению к мелкому земледельцу может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе, электрификация в массовом масштабе. Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца...

Удовлетворить мелкого земледельца по сути дела можно двумя вещами: во-первых, нужна известная свобода оборота, свобода для частного мелкого хозяина, а во-вторых, нужно достать товары и продукты... Что такое свобода оборота? Свобода оборота есть свобода торговли, а свобода торговли значит — назад к капитализму). Свобода оборота и свобода торговли это значит

товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и на владельца рабочих, разделение на капиталиста и на наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства, которое не с неба сваливается, а вырастает во всем мире именно из товарного земледелия. Это мы прекрасно знаем теоретически, и в России всякий, кто присматривался к жизни и условиям хозяйства мелкого земледельца, не может ненаблюдать этого.

Спрашивается: как же так, может ли Коммунистическая партия признать свободу торговли, к ней перейти? Нет ли тут непримиримых противоречий?... Можно ли, теоретически говоря, до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корни политической власти пролетариата? Можно ли это? Можно,—ибо вопрос в мере. Если бы мы оказались в состоянии получить хотя бы небольшое количество товаров и держали бы их в руках государства, в руках имеющего политическую власть пролетариата, могли бы пустить эти товары в оборот,—мы бы, как государство, к политической своей власти прибавили экономическую власть. Если этот оборот дает государству в обмен на продукты известное минимальное количество хлеба, достаточное для покрытия потребностей города, фабрики, промышленности, тогда экономический оборот восстанавливается так, что государственная власть в руках пролетариата остается и укрепляется..

Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог... Основное, чтобы был стимул, побудитель, толчок мелкому земледельцу. Нам нужно строить

нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем.

Но в этой же речи, как видит читатель, Ленин подчеркивает с особой силой всю опасность для крестьян-тружеников от свободной торговли. Рабочий делает уступку брату-крестьянину. Но говорит при этом: смотри, товарищ, не попади снова в рабство к капиталисту и помещику. Оглянись вокруг себя: из твоей частной торговли нарождается новая буржуазия, которая может забрать тебя в свои лапы Поэтому крепко держись своего союза с рабочим!

КООПЕРАЦИЯ—СПОСОБ ПОБИТЬ БУРЖУАЗИЮ

Ленин указал простой, доступный каждому крестьянину способ, каким можно избавиться от возрождения буржуазии, от восстановления наемного рабства. Это—кооперация. В статье, напечатанной 26-го мая 1923 года, Ленин писал:

У нас, мне кажется, недостаточно обращается внимания на кооперацию...

В новой экономической политике мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, уступку принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве новой экономической политики есть все, что нам нужно, потому что мы теперь нашли ту степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, кото-

рая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали (ругали) как торгашескую и которую, с известной стороны, имеем право третировать и теперь так же,—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества? Это еще не построение социалистического общества, но это—все необходимое и достаточное для этого построения.

Вот это-то обстоятельство не дооценено многими нашими практическими работниками. На кооперацию у нас смотрят пренебрежительно, не понимая того, какое исключительное значение имеет эта кооперация, во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в руках государства), во-вторых, со стороны *перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина.*

А ведь в этом опять-таки главное. Одно дело фантазировать (мечтать) насчет всяких рабочи об'единений для построения социализма, другое дело *научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении.* Этой-то ступени мы и достигли теперь...

Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которых стоило рождение «свободного» капитализма. *Теперь мы должны сознать и претворить в дело,*

что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный. Но поддерживать его надо в настоящем смысле этого слова, т. е. под этой поддержкой недостаточно понимать поддержку любого кооперативного оборота,—под этой поддержкой надо понимать поддержку такого кооперативного оборота, в котором действительно участвуют действительные массы населения...

Собственно говоря, нам осталось сделать «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Новая экономическая политика представляет из себя в том отношении прогресс, что она приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что она не требует от него ничего высшего. Но, чтобы достигнуть через новую экономическую политику участия в кооперации поголовно всего населения, — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия.

Таким образом, оставаясь мелким земледельцем, частным хозяином, крестьянин через кооперацию должен продавать свои продукты и закупать необходимые промышленные изделия. Частная торговля таким путем уничтожается, частные торговцы устраняются. Плодами трудов своих пользуются только работники фабрик и полей.

СМЫЧКА ГОРОДА С ДЕРЕВНЕЙ, РАБОЧЕГО ХОЗЯЙСТВА С КРЕСТЬЯНСКИМ

С особенной силой, ясностью и убедительностью выразил Ленин основную свою мысль о союзе рабочих и трудовых крестьян на почве обоюдной выгоды на 11-м с'езде партии в марте 1922 года, последнем с'езде, в котором Владимир Ильич принимал участие. Здесь именно изложил он всем известную и д е ю о с м ы ч к е г о р о д а и д е р е в н и, рабочих и крестьян, государственной крупной промышленности и крестьянского хозяйства.

Гражданская война нарушила хозяйственную связь между городом и деревней. В городе за это время создалась государственная социалистическая крупная промышленность. А в деревне осталось все то же мелкое единоличное крестьянское хозяйство. Смычки между этой промышленностью и этим мелким хозяйством еще не наладилось.

Надо помнить, что основная, решающая, все себе остальное подчиняющая, задача новой экономической политики, это — установление смычки между той новой экономикой, которую мы начали строить, и крестьянской экономикой, которой живут миллионы и миллионы крестьян. Смычки этой не было и ее нам надо, прежде всего, создать. Этому соображению надо все подчинить.

Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин, и которую он ведет так, как он может, выбиваясь из нужды, не мудрствуя (потому что, где ему мудрствовать для того, чтобы вылезти и спастись из прямой опасности мучительнейшей голодной смерти). Надо показать эту смычку, чтобы мы ее ясно видели, чтобы весь народ ее видел, чтобы вся крестьянская масса видела, что между ее тяжелой, неслыханно разоренной, неслыханно нищенской, мучительной жизнью теперь и той работой, которую ведут во имя отдаленных социалистических идеалов коммунисты, есть связь. Надо сделать

так, чтобы простому, рядовому, трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение и получил не так, как получали немногие из крестьян в эпоху помещичьей власти и капитализма, когда каждый шаг улучшения (бывали, несомненно, улучшения, и очень крупные) был связан с издевкой, с надругательством, с издевательством над мужиком, с насилием над массой, которого никто из крестьян не забыл и десятки лет в России не забудет. Наша цель—восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно при всей его нищете, а не с чего-то отдаленного, фантастического с точки зрения крестьянина, — доказать что мы ему умеем помочь, что коммунисты в момент тяжелого положения разоренного, обнищалого, мучительно голодающего мелкого крестьянина ему сейчас помогают на деле. Либо мы это докажем, либо он нас пошлет ко всем чертям...

Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем. Это, по-моему, первый основный политический урок новой экономической политики...

Капиталист умел снабжать. Он это делал плохо, он это делал грабительски, он нас оскорблял, он нас грабил. Это знают простые рабочие и крестьяне, которые не рассуждают о коммунизме, потому что не знают, что это за штука такая.

Но капиталисты все же умели снабжать, а вы умеете?... Правильно поставить соревнование, показать и научиться тому, что мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности, помочь ему двинуться вперед. Вот какое соревнование стоит перед нами, как неотложная задача. Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по моему убеждению, суть партийной политики. У нас чисто-политиче-

ских вопросов и трудностей сколько угодно... Это не ново. Но вот выдержать соревнование с простым приказчиком, с простым капиталистом, купцом, который к крестьянину пойдет и не будет спорить о коммунизме, а станет ему говорить, что ежели нужно достать, правильно сторговать, суметь построить, то я-то построю дорого, коммунисты, может быть, построят подешевле, а может быть, в десять раз дороже. Вот какая агитация представляет теперь суть дела, вот в чем корень экономики...

А если коммунист воображает, что я, мол, все знаю, потому что я—ответственный коммунист, я не таких людей побеждал как какого-нибудь прикачзика, а мы били на фронтах, и разве таких били,—вот такое преобладающее настроение нас и режет. Это самая неважная часть дела, если мы эксплоататора обезвредим, ударим по рукам и обкарнаем. Это надо делать. И наше госполитуправление, и наши суды должны делать это не так вяло, как делают до сих пор, а помнить, что они—пролетарские суды, окруженные врагами всего мира. Это нетрудно, этому в основном мы научились...

А вторая часть победы, — чтобы не коммунистическими руками строить коммунизм, чтобы уметь практически делать то, что экономически делать приходится, находить смычку с крестьянским хозяйством, удовлетворить крестьян, чтобы крестьянин сказал: «Как ни труден, как ни тяжел, как ни мучителен голод, а я вижу, что это власть, хотя и непривычная, но от нее получается практическая, реально ощутимая польза». Нужно добиться, чтобы те многочисленные, во много раз превосходящие нас элементы, с которыми мы сотрудничаем, работали бы так, чтобы мы умели наблюдать их работу, чтобы мы понимали эту работу, чтобы их руками делалось нечто полезное для коммунизма. Вот в этом гвоздь теперешнего положения...

И то, что завоевано русской революцией,—неот'емлемо. Этого никакая сила не может взять, как никакая сила в мире не может взять назад того, что Соевтским государ-

ством было создано. Это—всемирно-историческая победа. Сотни лет государства строились по буржуазному типу, и впервые была найдена форма государства не буржуазного. Может быть, наш аппарат и плох, но говорят, что первая паровая машина, которая была изобретена, было тоже плоха и даже неизвестно, работала ли она. Но не в этом дело, а дело в том, что изобретение было сделано. Пускай первая паровая машина по своей форме и была непригодна, но зато теперь мы имеем паровоз. Пусть наш государственный аппарат из рук вон плох, но все-таки он создан, величайшее историческое изобретение сделано, и государство пролетарского типа создано, и поэтому пусть вся Европа, тысячи буржуазных газет повествуют о том, какие у нас безобразия и нищета, все-таки во всем мире все рабочие тяготеют к Советскому государству. Вот те великие завоевания, которые нами достигнуты и которые являются неот'емлемыми.

Но для нас, представителей Коммунистической партии, это значит, открыть только дверь. Перед нами теперь задача постройки фундамента социалистической экономики. Сделано это? Нет, не сделано. У нас еще нет социалистического фундамента. Те коммунисты, которые воображают, что он имеется, делают величайшую ошибку. Весь гвоздь состоит в том, чтобы отделить твердо, ясно и трезво, что у нас составляет всемирно-историческую заслугу русской революции, от того, что нами исполняется до последней степени плохо, что еще не создано и что еще много раз надо переделывать.

Политические события всегда очень запутаны и сложны. Их можно сравнить с цепью. Чтобы уцепиться за всю цепь, нельзя уцепиться за одно только звено. Нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться. В 1917 году в чем был весь гвоздь? В выходе из войны, этого требовал весь народ, и это покрывало все. Выхода из войны революционная Россия достигла. Были большие усилия, но зато основная потребность народа была учтена, и это дало нам победу на много лет... И народ почувствовал, крестьянин видел, всякий возвращающийся с фронта солдат превос-

ходно понимал, что в лице Советской власти он получает более демократическую, более близкую к трудящимся власть. Сколько бы мы глупостей и безобразий ни делали в других областях, раз мы эту главную задачу учли, значит, все было правильно.

В 1919 и 1920 годах в чем был гвоздь? Отпор военный. Тут на нас шли, нас душили всемирно могущественная Антанта и не нужно было пропаганды,—любой беспартийный крестьянин понимал, что делается. Идет помещик. Коммунисты умеют с ним бороться. Вот почему крестьянин в массе своей был за коммунистов, вот почему мы победили...

Сейчас народ и все трудящиеся массы видят основное для себя только в том, что бы практически помочь отчаянной нужде и голоду и показать, что действительно происходит улучшение, которое крестьянину нужно, которое ему привычно. Крестьянин знает рынок и знает торговлю. Прямого коммунистического распределения мы вести не могли. Для этого нехватало фабрик и оборудования для них. Тогда мы должны дать через торговлю, но дать это не хуже, чем это давал капиталист, иначе такого управления народ вынести не может. В этом весь гвоздь положения.

ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

На 3-м Всероссийском С'езде Союза Коммунистической Молодежи 4-го октября 1920 года Ленин говорил:

Именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества.

Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплоатации. Оно в лучшем случае сумеет

решить задачу создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках. Оно создаст прочный фундамент, на котором сможет строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплоататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и Коммунистического Союза Молодежи в частности можно было бы выразить одним словом, задача состоит в том, чтобы учиться.

Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы—чему учиться и как учиться... Первым, казалось бы, и самым естественным ответом является то, что Союз Молодежи и вся молодежь вообще, которая хочет перейти к коммунизму, должна учиться коммунизму.

Но... простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным. Теперь в наших речах и статьях нет простого повторения того, что говорилось раньше о коммунизме, так как наши речи и статьи связаны с повседневной и всесторонней работой.

Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма ровно ничего не стоит, так как оно продолжало бы старый разрыв между теорией и практикой, который составлял самую отвратительную черту буржуазного общества...

Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием.

Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм..

Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру,— без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не может являться выскочившей неизвестно откуда, не может явиться выдумкой людей, которые называют себя социалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор.

Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят и продолжают подводить к пролетарской диктатуре так же, как политическая экономия, переработанная Марксом, показала нам то, к чему должно притти человеческое общество, указала переход к классовой борьбе, к началу пролетарской революции...

Нам не нужно зубрежки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов. Ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут переработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически. чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека...

На место старой муштры, которая проводилась в буржуазном обществе вопреки воле большинства, мы ставим сознательную дисциплину рабочих и крестьян, которые соединяют с ненавистью к старому обществу решимость, умение и готовность об'единить и организовать силы для этой борьбы, чтобы из воли миллионов и сотен миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных

на протяжении громадной страны создать единую волю. Ибо без этой единой воли мы будем разбиты неминуемо; без этого сплочения, без этой сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно; без этого победить капиталистов и помещиков всего мира мы не сможем. Мы не закрепим даже фундамент, не говоря о том, чтобы на этом фундаменте построить новое коммунистическое общество...

Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, электричестве... Перед вами задача строительства. Вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ — в то живое, что об'единяет нашу непосредственную работу; превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы...

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза Молодежи—поставить свою практическую деятельность так, чтобы учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы в себе и во всех тех, кто в ней видит вождя, коммунистов. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да... Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата... Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы не могли вернуться старые эксплоататоры; за то, чтобы соединилась раздробленная

масса темного крестьянства в один союз. Классовая борьба продолжается. Наша задача—подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою коммунистическую нравственность этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов. Коммунистическая нравственность это та, которая служит борьбе, которая об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля считается у нас общей собственностью. Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Если я рассуждаю так: «чем больше голодных, тем дороже будут мне платить?» Разве я тогда поступаю, как коммунист? Нет, как эксплоататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие—либо рабовладелец, либо раб; либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент—словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет. Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше—я дороже продам свой хлеб. Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий,—мне дела нет до другого. Может быть, притворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще и смогу пробиться, выйти в буржуа.

Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может. Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество,—вот тогда и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплоататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят: «я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела»...

Коммунистический Союз Молодежи только тогда оправдает свое звание (что он есть союз коммунистического молодого поколения), если он каждый шаг своего учения, воспитания, образования, будет связывать с участием в общей борьбе всех трудящихся против эксплоататоров...

Таким образом, быть молодым коммунистом, это значит организовывать и об'единять все подрастающее поколение, давать пример воспитания и дисциплины в борьбе. Так вы сможете начать и довести до конца постройку здания коммунистического общества...

Быть членом Союза Молодежи—значит, вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело.

Вот в этом и состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в том случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Содержание

стр.

